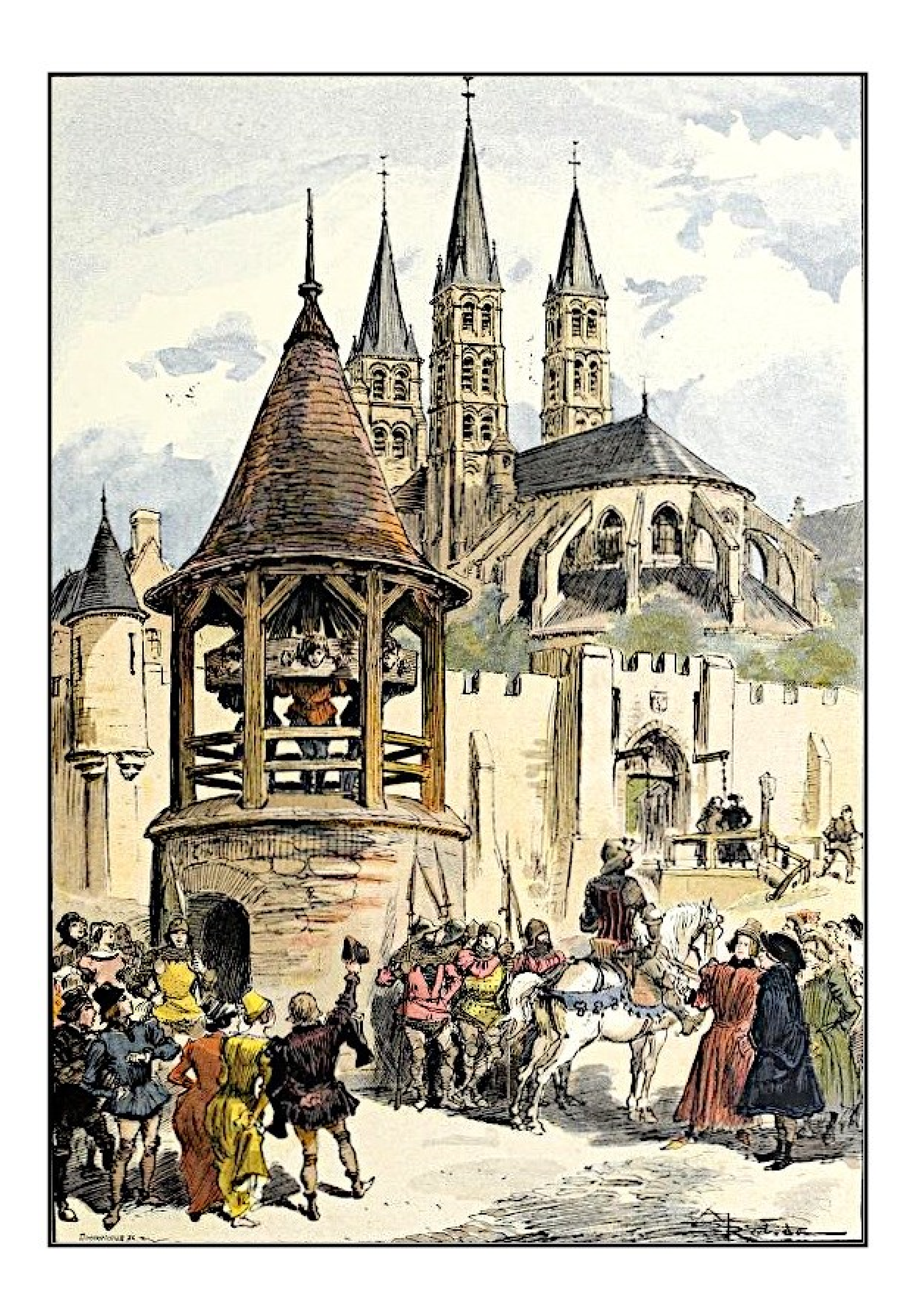
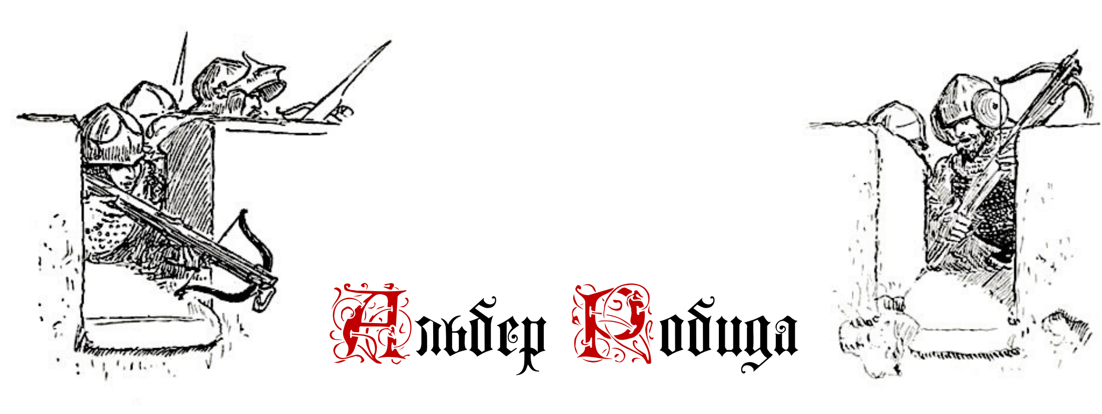
Альбер Робида

1430

Осада Компьена

Альбер Робида

Осада Компьена

1430

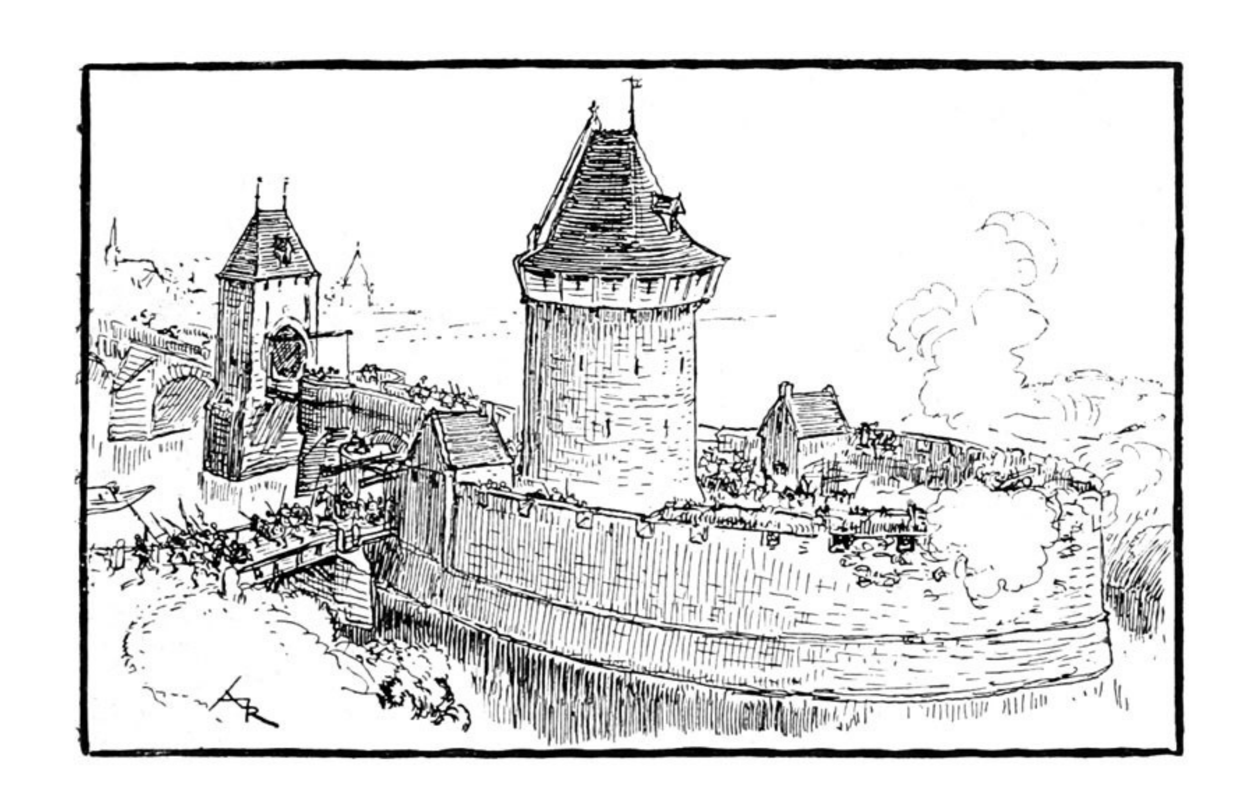
Альберт Робида (14 мая 1848 г. - 11 октября 1926 г.)
Французский художник-иллюстратор и романист.

Les assiégés de Compiègne 1430
Albert Robida
Paris, H. Laurens 1906

Иллюстрации Альбера Робиды

Перевод с французского
Владимира Голубихина

Предисловие

Жанна д'Арк явилась на свет в самый страшный и жестокий для Франции век, полный бед и ужаса, словно яркий солнечный луч среди небесной бури – роковое событие под стенами осажденного Компьена в 1430 году, затмило его молнией, сверкнувшей из-за грозных туч.

Восемнадцатилетняя пастушка из Домреми, водившая за собой от победы к победе простых солдат, галантных рыцарей и принцев, пришла с несколькими сотнями сорвиголов в Компьен, осаждённый

англичанами, на помощь Гильому де Флави. В те же дни её отряд, едва переведя дух, напал на вражеские укрепления, но разбитый превосходной силой, был вынужден отступить к мосту у главных ворот Компьена.

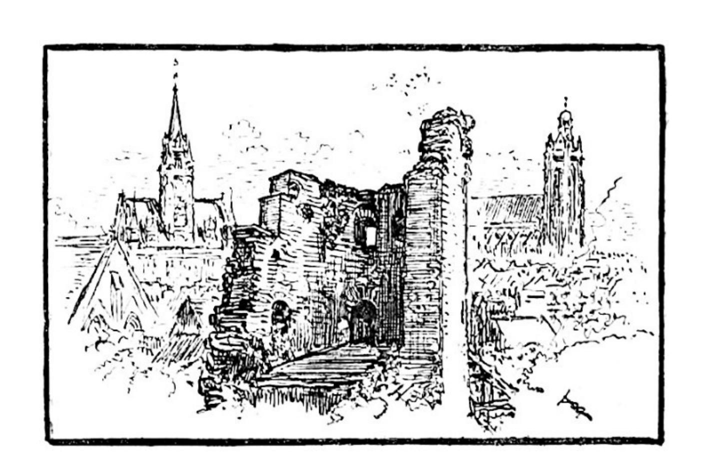
Компьенцы, опасаясь, что враг войдёт в город на плечах отступающих, или случилась измена, подняли мост и закрыли ворота перед Жанной с её крохотным отрядом, прикрывавшим общий отход, оставив её многочисленному врагу, против которого меч её оказался бессилен. Повержена с коня, она попала в плен вместе со своим братом Пьером и Жаном Потоном де Сентрайль, отсюда начался её долгий мученический путь на костёр в Руане.

С того случая у старого моста, где в последний раз сражалась Жанна, омрачились берега Уазы, и с той поры пало подозрение на губернатора Компьена – Гильома де Флави в предательстве.

Но губернатор сей, после пленения Жанны д'Арк, отбил все попытки взять город, и мужественно сражался на его стенах; в течение полугода хранил он его от измены и прочих бед с помощью горожан, и те ему всецело доверяли, вплоть до того дня, когда явилась помощь, и всё население Компьена набросилось на врага, захватило его укрепления и сам лагерь, заставив англичан с позором снять осаду.

Брат Флави погиб в той осаде, и сам губернатор не жалел себя. Мост перед Жанной был поднят без его ведома и участия, и в том никто и никогда его не обвинял. Но, верно, была измена со стороны привратников, хотя всей правды о том трагическом дне, самом страшном в истории, мы никогда не узнаем, и нам лишь остаётся думать и гадать, сообразуясь с собственным воображеньем.

Старого моста давно уж нет, но его можно представить по сохранившимся планам и рисункам времен Людовика XIII, а вот внешние бастионы, где взята была в плен Жанна, остались почти нетронутыми временем.

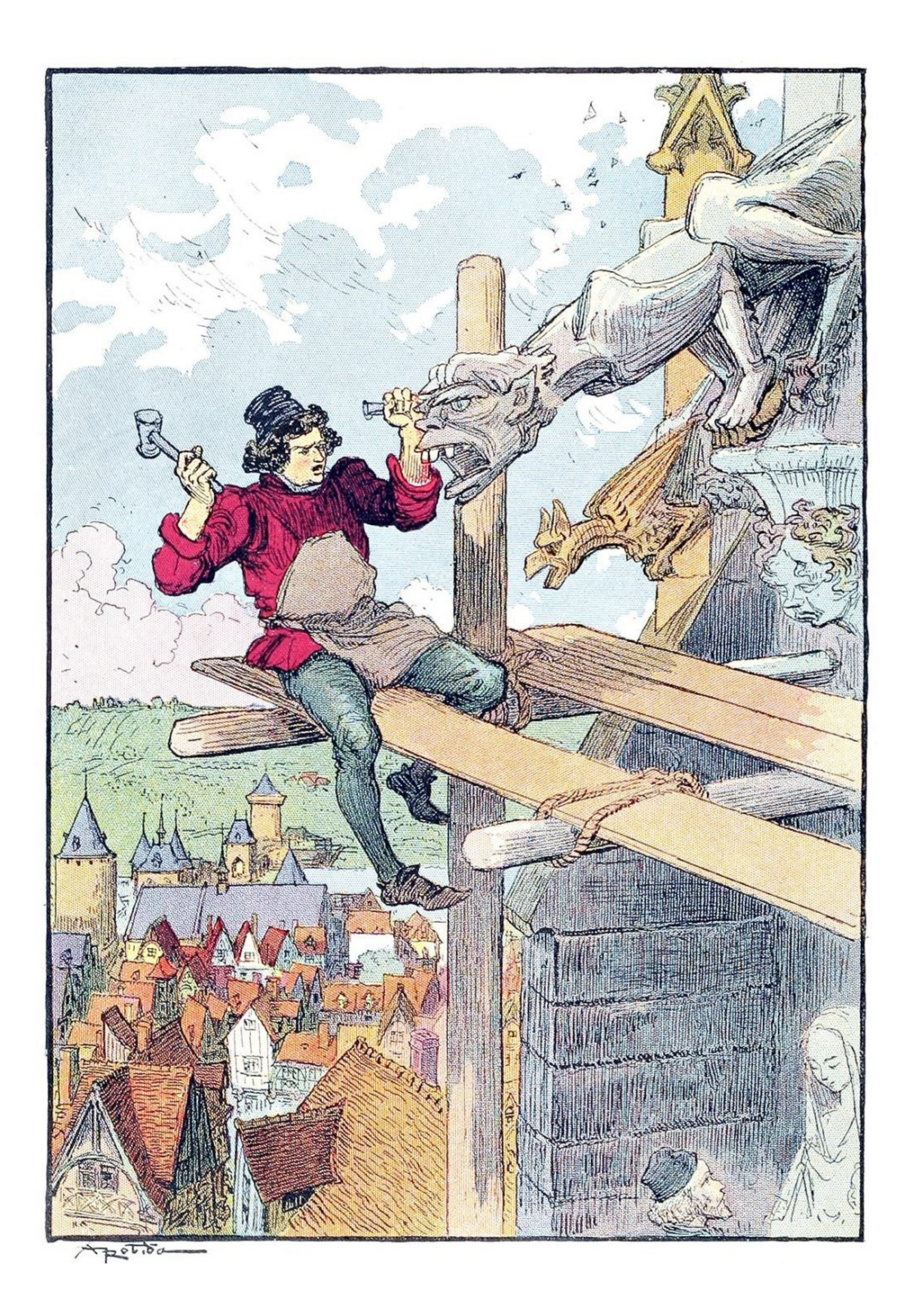
Ваятель горгулий

Оседлав доску на вершине лесов перед главным порталом церкви Сен-Корнель, сверкающем в своей новизне белизной, бесстрашный Жан де Компьен – местный камнерез, неистово работал молотком, нанося удары по долоту, и громко сам с собою вёл беседу, совершенно справедливо полагая, что никто его не услышит сквозь гул и шум на людном рынке под ним.

– На! Вот тебе! Получай, собака! Образина! Пёс! Чтоб тебя дважды... трижды повесили! Держи ещё по носу! Вот тебе, вот по уродливой морде! На! На ещё! Я так зол, что мне надо выместить на ком мою злость, и ты лучше всего для этого подходишь.

Слова его и удары назначались горгулье – водостоку с парапета на крыше – которую ваял Жан, и которую только что туда взгромоздили.

A Robida

Скульптор доводил до ума её грубо очерченный образ. Она имела ни на кого не похожее туловище – то ли вампир, то ли дракон в чешуе, с когтистыми лапами; и человеческую голову, в жуткой гримасе разинувшей пасть на длинной вытянутой шее. Горгулья была не единственной на крыше здания, но одной из многих, и все они вопили рогатыми каменными дьяволами, чудовищами, полузверями, полулюдьми во всём своём безобразии и уродстве из-под руки их творца.

– Что? – злился Жан. – Кто я таков, чтобы бить тебе морду? Чем я лучше? Потому, что я хороший мальчик, посмел бы кто поспорить с этим, а если бы и нашёлся такой, кто навесил бы мне больше, чем я ему, то шишки наши и синяки мы б излечили в винной кружке за одним столом за мой счёт! После чего посмей он сказать, что я не самый добрый парень, уж я бы заткнул ему пасть вот этим кулаком! За себя я ручаюсь, и говорю потому всем придуркам там внизу, пусть слышат: эй, вы... я не лучше этого пройдохи Рунжмайла, грабителя-ростовщика! Нет, не лучше... не так чтобы совсем уж я плох, но не лучше! Не лучше! Нет! И что ни говори, я осёл, осёл, осёл! И всегда был ослом, что меня и губит. Грешен я в чревоугодии и лени, люблю солнышко в тени деревьев на траве, вина Турени, ветчину, колбаски... И теперь ума не приложу, как мне дальше быть, потому что из-за этих противных, гадких... восхитительных даров жизни я промотался до нитки! Но теперь всё – с сегодняшнего дня, клянусь, буду паинькой, вернусь на путь праведный, и только работа, молитва, хлеб и вода... Будь я проклят! Ведь другого мне ничего и не остаётся, потому что из всех денег у меня осталось... Сколько ж у меня осталось? О-о! Не стоит и считать в худом кармане. Будь неладен мой желудок ненасытный!

Руки Жана без сил упали на доску.

– Что я несу? Всё съел я? Один? Как бы не так! Если б было так, я б восславил Небеса! Но нет – я съел лишь только половину, и даже меньше – четверть, а скряга Рунжмайл, негодяй, сожрал у меня три другие!

Острым долотом Жан сделал шире пасть горгульи, и принялся за складки и морщины на щеках, стараясь придать образине более гнусное и отвратительное выражение.

– Ба! – воскликнул он, поглядев вниз на втиснутый между двумя контрфорсами с левой стороны церкви домишко. – Вот и он паук Рунжмайл, кровосос, выполз ко входу в западню и ждёт добычу, чтоб высосать из жертвы его последние денежки, прислушиваясь к звону монет

в чужих карманах. Ждёт такого же простофилю как я, соблазнённого бесом, чтоб повыпотрошить его и сожрать... Хотелось бы посмотреть на тебя, когда ты узнаешь в этой горгулье себя – у меня неплохо получилось, дружище, вас не отличить. Хвала настоятелю Святого Корнелия, он всегда мне говорил: «Нет, Жан, мой милый мальчик, тебе не вырезать Пресвятую Деву портала, и даже малютку-херувима, ты редко смотришь в их сторону... общаясь чаще с бесами».

И Жан щёлкнул своё творение по носу кончиком долота.

— Вот я и луплю вас, как только в этом и хорош — смертные грехи все с пороками изображать на ваших гнусных рожах. Но пуще прочих — алчность и жадность, потому ты и похож так на Тибо Рунжмайла... Хотя мне и хочется вырезать Богородицу, такую как мой добрый друг и наставник — Жако Бонварле, заканчивает по образу своей богоподобной дочки — Джульетты. Доброго дня, мастер Бонварле, и здоровья!

Жан, свесившись с доски, махнул рукой скульптору, который на подмостках ниже тщательно полировал складки длинной мантии статуи Девы Марии среди прочих фигур в тимпане главного портала.

Мастер Бонварле приостановил работу и поднял голову.

— Спасибо, Жан. Как работа?

— Отлично! Закончил мерзость, от которой только и проку, что не даст дождю вылить потоки грязи на ваших ангелов.

— Да, работа спорится — год-два, если англичане к нам не припожалуют, Франция с божьей помощью и девы, короновавшей Карла в Реймсе, изгонит врагов, и у аббатства Святого Корнеля появится портал достойный его великолепия и доброй славы!

Оба художника, один из которых творил в поднебесье на узкой дощечке, держась за облака; а другой — на лесах попрочнее под ним, отличались друг от друга так же, как небо и земля. Начнем с того, что Жан из Компьена, известный больше как Пикардийский Забияка за свои горячность и задиристость, был ражим молодцем со счастливой улыбкой на гладко выбритом пригожем лице, на вид ему можно было дать лет двадцать семь — двадцать восемь. Весь внешний облик его отражал чистую и неугомонную душу — он сыпал жестами и словами, выражение лица менялось так часто, как менялось его настроение — то он улыбался всему божьему свету, а то вдруг хмурился, как насупившееся небо, или гневался подобно урагану.

Мастер Жако Бонварле, напротив, был маленьким, сухеньким, тихим, добрым старичком, седым как лунь, чьи волосы почти покинули светлую голову, и с жидкой бородёнкой клинышком. Скупой на слова и движения, он тотчас вернулся к своей работе после пары слов в ответ, и долото его издавало не больше шума, чем он сам.

— Все эти торговцы овощами и мясом с птицей под нами, — крикнул ему Жан в сердцах, — и носа кверху не поднимут, чтобы взглянуть на нашу работу, им плевать на наш труд и на наше искусство украшать мир вокруг них. Для кого мы работаем, мастер Бонварле?

— Для себя, — буркнул учитель.

— Как бы не так, — рассмеялся Жан Забияка, и скользнул вниз с лесов по веревке, пав на головы крестьян, торговавших на рынке, к их величайшему изумлению и испугу.

Через пару минут Жан сидел уже за столом перед кувшином с пивом у гостиницы «Флёр де Лис» — «Цветок Лилии», на свежем воздухе напротив рыночной площади полной шума, хрюканья, кудахтанья, блеянья, визга, писка, цыплят, индюшат, поросят, ягнят, утят, и бог с чёртом знают кого ещё, да мясники, тащившие протестующую живность к их предначертанной жестокой судьбе — стать жарким с котлетами.

Признаться честно, Жан Забияка, казалось, вовсе забыл о данном им самому себе обете воздержания и добронравия — он пил и смеялся наравне со своими приятелями-собутыльниками, быть может, отложив ненадолго своё исправление к лучшему.

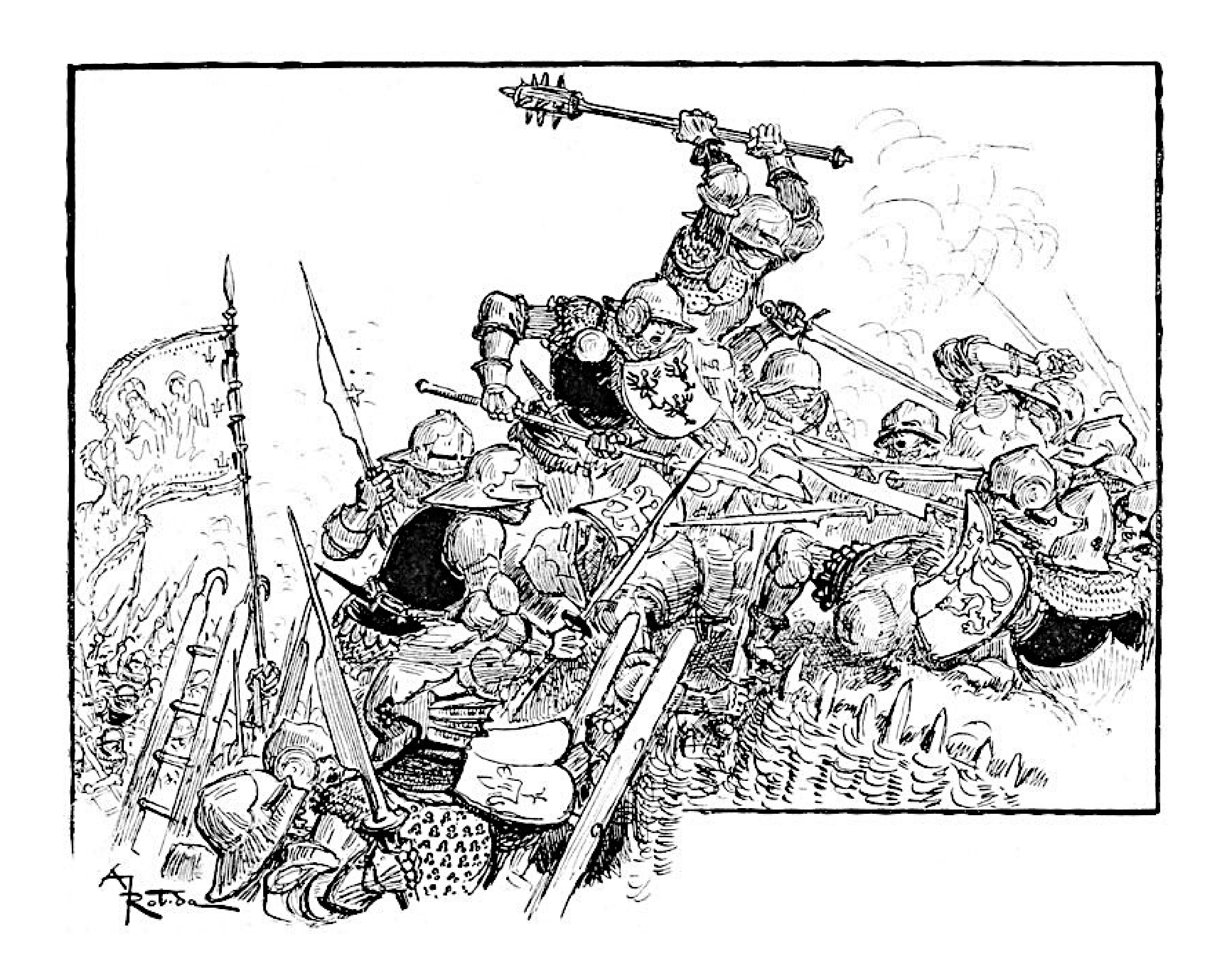

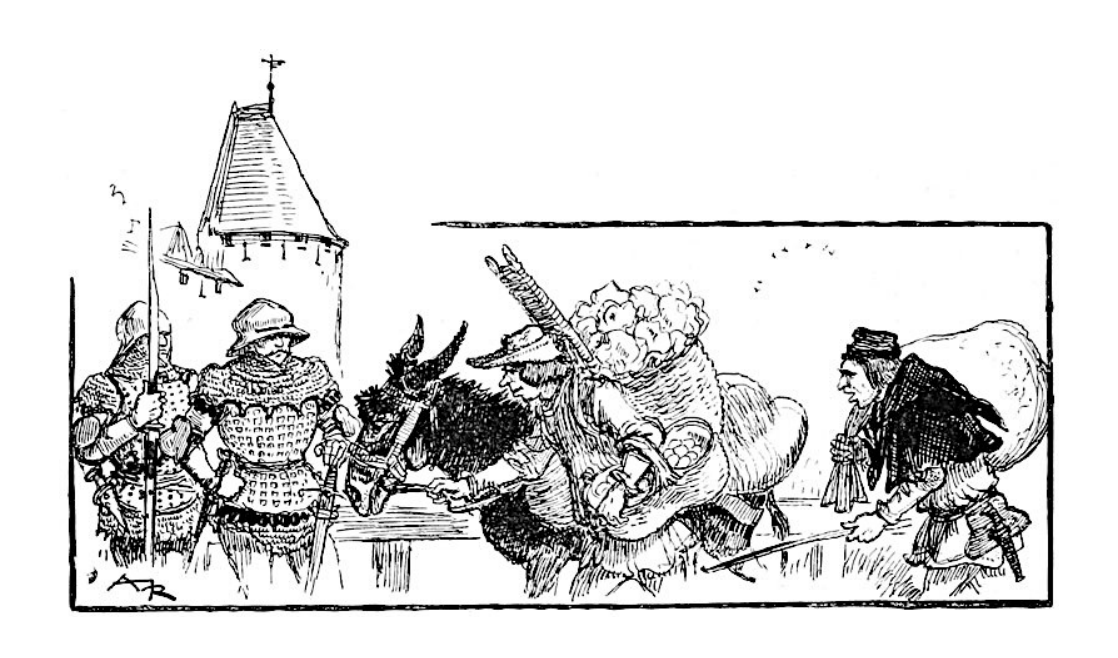
Как Жан Забияка нажил неприятностей на рынке в Компьене

Случилось всё то в достославном городе Компьене на границах Валуа и Пикардии, прижатом холмами к реке Уазе с одной стороны, и лесом с другой, в самый разгар войны с англичанами — в том самом знаменитом 1429 году, когда лотарингская пастушка вышла походом с Вокулёра, и вернула победу французским знамёнам, которые слишком долго терпели поражение за поражением. После чудесного спасения Орлеана последовала стремительная и победоносная кампания Жанны д'Арк — лучшие из лучших среди английских полководцев были разгромлены один за другим, один за другим города и крепости сдавались небольшой, но героической,

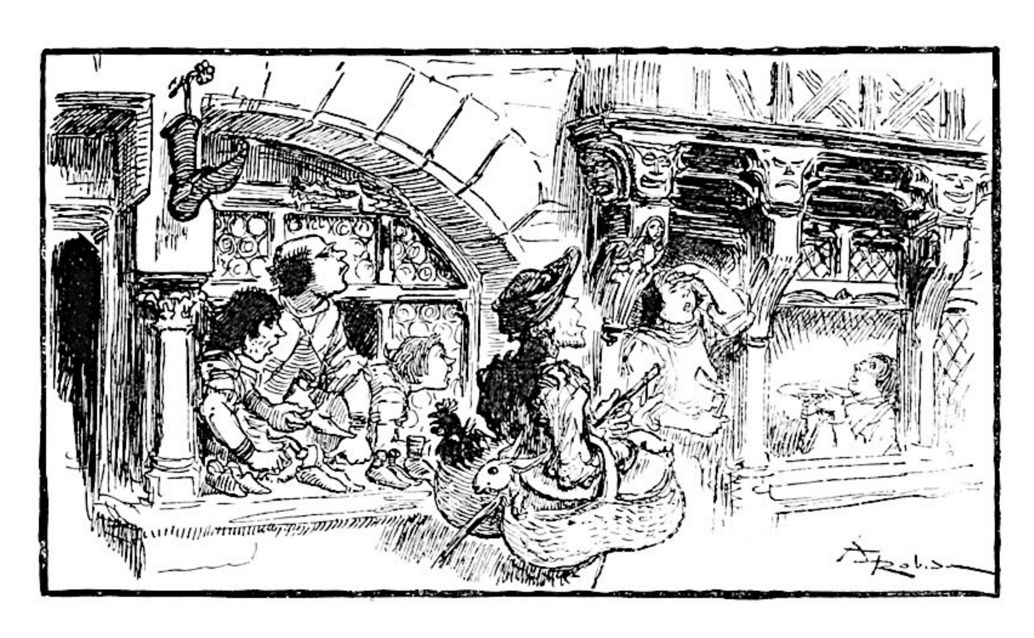
армии дофина Карла, ведомой Орлеанской Девой, которая, всех сметя со своего пути, вошла в Реймс, дабы Франция обрела короля в его древнем соборе.

Война продолжалась так долго, что давно ужилась с привычкой к ней, тревожа людей не больше, чем хмурое небо над ними — кумушки стайками судачили о том о сём, граждане околачивались возле корзин с фруктами и овощами, перешучиваясь с крестьянами, и, казалось, никто не замечал латной стражи на постах, где солдаты Флави тщательно досматривали всех на входе в город и при выходе из него.

Тем часом приятели Жана, опорожнив кувшины, оставили гостиницу, пересекли площадь и встали подле лесов портала Сен-Корнель. Задрав носы к верху, они стали громко смеяться и толкать друг друга локтями, тыча пальцами в небо. Довольно какому зеваке уставиться вверх, даже если там ничегошеньки нет, кроме облаков, как тут же находятся желающие разглядеть в чистом небе нечто совершенно необычайное.

Так что скоро весь рынок – и селяне, и горожане оставили всякие споры о ценах на сливочное масло, яйца, овощи и фрукты, мясо с птицей; и даже вчерашние сплетни, притекавшие сюда из Сен-Антуан и с Моста, а иные повысунулись из окон своих домов, и все в крайнем любопытстве разглядывали небеса.

И только Жан сидел под вывеской у входа в гостиницу «Флёр де лис» в полной непричастности к происходящему на площади.

– Над чем ты там смеёшься? Что там в небе? – спросил, наконец, некий горожанин, хлопнув по плечу одного из приятелей Жана.

– Не в небе, а на крыше Сен-Корнель, вон на парапете!

– Что? Где? – переспросили семь, или восемь зевак разом.

– Да вон та новая уродина-горгулья с разинутой пастью... Никого не напоминает?

– Что страшнее беса самого?

– Ага... А ещё, неужели не видишь? Эти уродливые губы? Лапища, готовые вцепиться в чужой кошелёк?

– Ба! Да это же...

— Рунжмайл!!! — отозвался рынок многими голосами.

— Точно! Его гадкая рожа... только шире.

— Мне ль её не узнать, — выкрикнул один крестьянин. — Очень даже мне знакома эта бездонная его глотка, нашего брата она проглотит за раз!

— Ха! Ха-ха! Тибо Рунжмайл!

Жан Забияка как ни в чём не бывало, руки за спину, подошёл к толпе.

— Что за чёрт вас тут щекочет, что разгоготались? — спросил он.

— Чёрт! Чёрт! Рунжмайл — ростовщик!

— Мэтр Тибо? Да он дома — вон смотрит в окно!

И Жан указал на подлинник портрета в оконной раме, который высунулся наружу поглядеть — откуда вдруг столько счастья и веселья на площади? Он и впрямь был похож на новую горгулью, тянувшую с церковной крыши к нему свою шею. Тот же нос, только крупнее, те же костлявые скулы, тот же безгубый рот с лошадиными зубами, и клином подбородок. Прячущиеся хищные глазки под кустистыми бровями, приплюснутый лоб, и сросшаяся с бровями густая, топорщившаяся шевелюра.

— Или он там — наверху, наш мэтр Тибо... — сделал недоумённое лицо Жан, тыча пальцем вверх на горгулью.

И толпа стала сравнивать оригинал с портретом, запрокидывая и опуская дружно головы, и указывая пальцами на Тибо Рунжмайла, пока тот в удивлении гадал — отчего все показывают на него.

— Клянусь, — развёл руками Жан, — я не нарочно, поверьте! Мне приказали вырезать олицетворение Алчности — смертного греха — в образе сатанинского зверя, чтобы уберечь души людские от страшного порока его отвратительным
видом... Стоит ли, право, удивляться, что мое долото не сделало между ними различий!

— Что там бормочет этот босяк? — воскликнул Тибо Рунжмайл, который начал догадываться, где собака зарыта.

— Босяк?! — усмехнулся Жан. — Не могу согласиться — как видите, обувь на мне, но это потому лишь, что я успел сделать ноги из ваших цепких лап.

— Этот мерзавец ещё смеет меня оскорблять, меня — честного горожанина! Но, по счастью, меня все тут знают...

И снова взрыв хохота.

— Знаем-знаем!

Даже те, кто не знал ростовщика, смеялись над ним, когда руки в толпе указывали им на сходство образины с Тибо Рунжмайлом, ничуть не интересуясь, что это за человек в окне с красным лицом от гнева, который сыплет проклятиями в толпу, а та едва ли их слышит из-за общего смеха и криков.

— Негодяй! Босяк, попрошайка! Ты меня ещё узнаешь! Уж я найду на тебя управу, попляшешь у палача на виселице!

Он едва успел убраться из окна, как пара-тройка реп с морковью выбили стекло из него.

— Индюки, ослы...

Выкрикнув эти ругательства, голова Рунжмайла снова тут же пропала, избегая целого залпа из овощей. Площадь загудела, смех и возмущение слились в едином осином гуле. Куры с утками встрепенулись в аккомпанемент необыкновенному концерту.

– Грех тебе жаловаться, Рунжмайл, – хохотал Жан. – Ты должен сказать спасибо тем добрякам, кто подкинул тебе на ужин пару репок задаром. Держи ещё, приятель!

Град из капустных листьев и ботвы обрушился на окно Рунжмайла после того, как он кинул в толпу пару старых плошек. При этом несколько камешков с мостовой совершенно случайно смешались с овощными очистками, выбив ещё несколько стёкол из окна, после чего окно закрылось наглухо, оставив без ответа брань из толпы, и ростовщик появился на пороге своего дома.

– Я взываю к суду мессира аббата Сен-Корнель, – прокричал он толпе. – Вот сейчас мы поглядим...

И тут все увидели, что ворота аббатства справа от площади распахнуты, и к толпе идёт сам аббат в сопровождении нескольких монахов; а с другой стороны площади со стороны моста надвигается отряд из пятнадцати стражников, поднятый по тревоге шумом на рынке.

Их возглавлял шевалье в неполном доспехе, который оказался самим губернатором Гильомом де Флави – то был высокий, крепко сложенный человек, воинственной наружности, твёрд рукой и суров на расправу, способный вмиг утихомирить самых буйных в разгорячённой толпе.

– Что здесь? Бунт? Дать дорогу! Я приказываю! – пророкотал сир де Флави, пуская свою лошадь на толпу, ничуть не смущаясь тем, что опрокидывает и давит корзины с овощами и клетки с курами.

— К чему весь этот шум? — спросил аббат, подняв руку. — Из-за чего война? Кто ищет помощи?

— Я! — подскочил к нему Рунжмайл, трясясь от злости. — Меня тут до смерти забили, смотрите!

Толпа зашлась в смехе, но аббат дал знак к молчанию.

— Для мертвеца, у вас слишком живой голос, мэтр Рунжмайл, — улыбнулся аббат. — На что, или на кого вы жалуетесь?

— Я хочу... хочу... их повесить...

И снова смех заглушил его.

— Повесить? — удивился аббат. — Но кого и за что?

— Всех! — выкрикнул Рунжмайл. — Или хотя бы вон того, монсеньор, кто прячется за всеми.

И Рунжмайл указал на Жана Забияку, который принял вид одного из невинных херувимов на новом портале.

– Меня – удивился Жан, не сходя с места. – За что, мастер Рунжмайл? Почему ко мне такая жестокость – виселица?

– Ох-хо-хо! – вздохнул аббат в адрес Жана, и спросил: – Ты, как видно, неисправим! Что опять натворил?

– Ничего, монсеньор, но только выразительными средствами пёкся о ближнем своём.

– Вон что он натворил, монсеньор! – вскричал Рунжмайл. – Посмотрите на эту горгулью!

Аббат, монахи и Флави подняли в недоумении головы.

– Ну... И что? Горгулья.

– Ха! Ха! – вдруг рассмеялся Флави. – Я понял. Ха-ха-ха! Чёрт тебя побери, Рунжмайл, такую честь тебе воздали, поместив портрет твой над порталом, а ты негодуешь!

— Я негодую, мессир, потому, что я не похож на это чёртово отродье! Что все смеются надо мной из-за этого жалкого нищего! По какому такому праву?

— Жан, мальчик мой, ты провинился, — строго приговорил аббат. — Мастер Фунжмайл справедливо требует твоего наказания — ты не имел права высмеивать его.

— Я лишь хотел изобразить Алчность — страшный смертный грех, монсеньор, — сокрушился Жан. — И в чём моя вина, если Фунжмайл себя за ним не видит? Ведь это куда хуже, чем не узнать самого себя в моей горгулье?

— Заткните этого нищего! — злился Фунжмайл. — Монсеньор! Где же справедливость? Я требую его повешения!

— Я уже предупреждал тебя, Жан, — вздохнул аббат, — когда ты навесил ослиные уши достойному человеку. Но на этот раз тебе придётся ответить — я вынужден наказать тебя...

— Воистину, монсеньор, — обрадовался Тибо Фунжмайл, — добро не безвозмездно.

— Монсеньор, — поспешил к аббату Жако Бонварле, спустившись с лесов портала, — вы же знаете, Жан не злой мальчик, он, конечно, не прав, но это всего лишь детская шалость...

— Мастер Бонварле, — отвечал сурово аббат, — просить за вашего ученика бесполезно. Я правый и скорый суд для всех в аббатстве. Потому, из всего увиденного и услышанного, я признаю настоящую жалобу мастера Рунжмайла, досточтимого жителя города Компьен, справедливой, и осуждаю Жана на заточение в монастырской тюрьме на хлебе и воде...

— Мой господин, — перебил аббата Рунжмайл, — этого негодяя надо непременно повесить, и лучше всего на его же горгулье...

— Заткнись! — оборвал его Флави.

– ...я признаю его виновным, – продолжил аббат, – в насмешке над своим ближним, и повелеваю посадить его в тюрьму на хлеб и воду... на два часа.

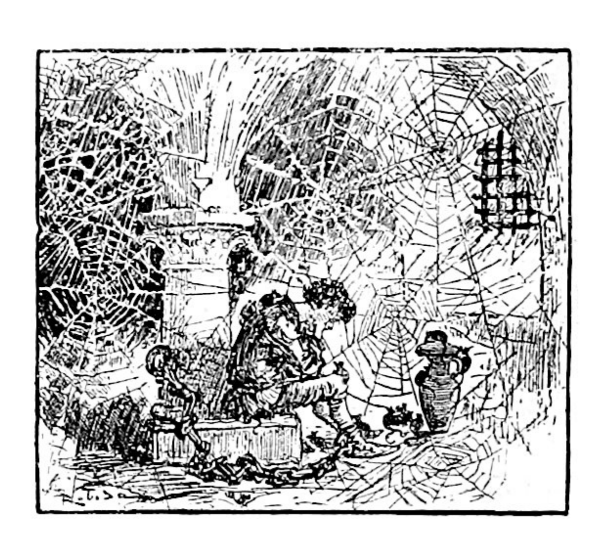
Взрыв смеха поднял птиц над городом, такое громогласное одобрение снискал приговор настоятеля. Жан уронил голову на грудь с сокрушенным видом, а Рунжмайл протестующе замахал руками.

– Прекрасно! – воскликнул Гильом де Флави, вдоволь насмеявшись вместе со всеми. – Самый, что ни на есть, справедливый приговор на моей памяти! А теперь всем разойтись по своим местам! Пока город доверен мне, я не допущу беспорядков в нём. Кто продаёт, тот пусть идёт торгует, кто покупает – покупает, и все пусть займутся своим делом. На войне быть только шуму битвы!

– Но... – заикнулся было Рунжмайл.

– Мэтр Рунжмайл, да кто ты таков, чтобы решать против народа, кто из вас чей портрет? Заткнись, или я попрошу аббата простить камнереза.

О милых Жюльетте и Мартинотте

Скульптор Жако Бонварле жил в стороне от городского шума и толчеи в небольшом уютном домике с видом на луга, где Уаза в тихом течении разглаживала ивовые косы по воде, разбросанные вдоль берегов; дождливою порой поднимаясь в гости к высившимся неподалёку холмам Пикардии.

Дом стоял посреди древних королевских садов Каролингов, у развалин дворца Карла Великого, как его именовали в народе, где над рекой

высилась башня Борегарда, которая красовалась бы и ныне, спустя десять веков, не будь она разрушена каких-то триста лет назад.

В ту пору на месте дворца Карла Великого стоял монастырь яковитов, и несколько домов, в одном из которых и проживал Бонварле, и который, вне всякого сомнения, был ровесником древнего дворца, остатки коего возвышались над ним.

Низенькое окошко на фасаде смотрело на башню Борегарда, на крепостную стену, и на мост через Уазу.

Из прочих были видны многие городские крыши, церковные шпили, и в голубоватой дымке лес вдали. Старые стены, почти разрушенные, обрамляли сад из вековых яблонь, груш, слив, и прочих деревьев, многие из

которых представлялись ровесниками Карла Великого и его паладина Роланда — их могучие бесплодные ветви давно обжили густые заросли дикого винограда.

В том домике под густыми кронами деревьев, никогда Джульетту Бонварле — дочку скульптора, не потревожило б недавнее происшествие на площади с Жаном Забиякой — учеником её отца, хотя и было до площади рукой подать, если б служанка Мартинотта при возвращении с рынка не ворвалась вихрем в её комнату, чтобы сообщить чрезвычайное известие.

Детское личико Джульетты, совершенное во всём, обрамляли нежнейшие солнечные волосы, оттеняющие невинный взор её души в очах цвета весеннего яркого неба. Живописать портрет её полнее не удастся. Она была на всех статуях святых девственниц и матрон, коих сотворил её батюшка за двадцать пять лет.

Ещё не родившись, она уже смотрела на мир непорочными глазами каменных святых, что вполне объяснимо, ведь Джульетта была точной копией своей матушки, оставившей мир совсем юной. Ровно четверть века назад скульптор совершенно неожиданно для себя вырезал её портрет, который ныне стал портретом его дитя.

Сидя за большим столом, на котором был разложен рисунок для резного фриза, Джульетта работала над вышивкой этого рисунка разноцветными нитками, выполняя

заказ святой обители. Она подняла глаза навстречу вбежавшей служанке, которой горячие новости жгли язык.

– Ну что на этот раз, Мартинотта, – спросила с укоризной Джульетта, – случилось такого на рынке? Свежее масло подорожало, и капуста с луком, а вишни ещё нет, не так ли?

– Вишню ещё два месяца как ждать, если дадут ей созреть проклятые англичане! И да – масло всё растёт в цене... Но ты разве ничего не слыхала?

– Нет. А что случилось?

– Горе и беда! Тебе батюшка всё обскажет, когда вернётся, а я могу лишь вкратце...

– Какое горе, какая беда? – ахнула Джульетта, выронив шитьё.

– Беда с нашим несчастным Жаном у портала Сен-Корнель! Бедный Жано...
Всегда был так весел... даже слишком. И всему пришёл конец...

– Боже мой! Он упал? Разбился?!

– Нет – не упал, и не разбился, и был живёхонек пять минут назад, когда я ушла с рынка... но это не лучше.

– Как? Что? Почему?

– Откуда мне знать! Я в доску бы расшиблась, чтобы самой всё знать, но я не знаю ничего, потому что протолкнуться нельзя было туда, где всё это с ним случилось... только и слышала, что он угодил за тюремную решётку аббатства...

– Жан в тюрьме?

– Пропала его бедная головушка... долго в тюрьме ему не протянуть на хлебе и воде – это точно... мне ль не знать его аппетита...

– Да за что же он в тюрьме?

— За что, за что… Уж известно за что… кабы мне знать. Но он во всём сознался… Вы бы лучше батюшку своего расспросили…

Добиться большего от неё Джульетта не смогла, кроме того, что Жан Забияка совершил некое очень ужасное преступление, за которое и был наскоро осуждён остатки своих дней провести в монастырской тюрьме на хлебе и воде. Это было ужасно!

— Кто бы мог подумать, — сказала Мартинотта, — что Жан, такой добряк и весельчак, мог совершить столь гнусное злодейство, что о том и словечка никто не проронил? И всегда-то он смеялся и пел, и лодырем из-за того казался! А, может, за песнями он ловко прятал свои коварные замыслы? Ах, злодей!

Джульетта в это не могла поверить — Жан ей был другом едва ли не с детства. Она была еще маленькой, когда он пришёл пятнадцатилетним мальчиком к её отцу показать свои работы, и спросил его совета; с того дня он начал работать с Бонварле над небольшими статуэтками вначале, обрабатывал вчерне камень и дерево, корпел над орнаментом балок фронтонов, капителями колонн, надвратными ангелами, над гербами для каминов в благородных домах, или над апостолами, пророками со святыми для какой-либо церкви.

Бедный, бедный Жан! Вечное заточение слишком суровая кара для него, потому… что он не может быть виновен! Но как же тогда его признание? Нет — этого не может быть!

Джульетта совсем потерялась во всевозможных догадках, когда, наконец, вернулся отец, которого она ждала в нетерпении. Он весь был в тяжёлых думах, и взор его неумело прятал вину.

— Папенька, — спросила она, — что с Жаном?

— Ты уже знаешь?

— Это правда?

— Увы...

— Мартинотта сказала, что... его схватили, судили... и посадили... так скоро...

— Да, тотчас отвели в тюрьму.

— Боже мой! За что... на сколько лет?

Мастер Бонварле улыбнулся.

— Лет? Что тебе рассказало это чудовище — Мартинотта?

— А что я могла сказать, — вмешалась Мартинотта, — кроме того, что слышала от других, я ничего не выдумала, и сама проплакала битый час с мадмуазель Джульеттой...

— Успокойтесь. Жана отвели в темницу Сен-Корнель в полдень, и посадили на хлеб и воду, но лишь колокол аббатства пробьёт два часа, его отпустят.

— За что же его наказали?

— Пустяки. Но пустяк может ему стоить дороже двух часов тюрьмы по приговору нашего доброго аббата... Жан нашкодил, и за то я его отругал. Но он нажил себе врага, какой насмешки не простит, особенно теперь.

— Что он натворил, боже!

— Он высмеял мстительного и злого человека, который непременно отомстит, и очень жестоко, и, надо думать, уже начал злое дело... Мсье де Флави меня предупредил. Но мы поговорим об этом позже, а теперь мне надо к аббату.

— А обед? — вспыхнула у плиты Мартинотта, уже накрывавшая на стол, и придвинувшая к нему три табурета. — Ему что, простыть из-за этого разбойника Жана?

— Пусть он нас немного подождёт на огне.

— Пока не сгорит?!

— Ах, оставьте...

Мастер Бонварле поспешил переодеться из рабочего в повседневное платье, и захватить одежду подмастерье, чтобы бежать к аббату Сен-Корнель с разговором о Жане, которому грозили большие неприятности. У него было в запасе почти два часа, вполне достаточно, чтобы успеть до выхода ученика из тюрьмы.

Джульетта проводила отца до поворота у башни Борегарда, и вернулась к Мартинотте у окна, где они стали думать да гадать обо всём случившемся. Мартинотта, одарённая весьма богатым воображением, предположила, что Жан хотел, быть может, сдать Компьен английскому королю, но тогда два часа в тюрьме слишком уж мягкое наказание за то, за что не одну дюжину знатных горожан изрубили на куски, а то и того хуже — насадили на кол, как сосиски. Нет — это маловероятно. Но каков же эгоист мастер Бонварле, что перед уходом не рассказал им всё обстоятельно!

Когда же она вдосталь начесалась языком, мастер Бонварле вдруг появился на тропинке в саду под руку с самим арестантом, коего, казалось, он горячо в чём-то убеждал. За спиной Жана был мешок, а в руке палка, будто он собрался в дальнюю дорогу.

— Мартинотта! Накрывай живее стол на четверых! Надеюсь, супа на всех хватит? — скороговоркой выпалил Бонварле.

Бывший узник, похоже, ничуть не пострадал в темнице, отбыв ужасное наказание, и в отличие от хозяина дома имел прекрасное расположение духа, не чуя над собой ни малейшей напасти.

— Добрый день, мадмуазель Джульетта! Здравствуйте, моя добрая Мартинотта, — поздоровался со всеми Жан. — Неужто и впрямь вы пустите за стол мерзкого преступника, заслуживающего виселицы? Могу я остаться за порогом?

Джульетта при этих словах улыбнулась, а Мартинотта напротив нахмурилась.

— Нашёл над чем шутить, — пробурчала она.

– Да уж, – поддержал её Бонварле, – дело нешуточное... Садись за стол, мой мальчик, и ешь суп. Хватит глупостей – они слишком дорого обходятся. Утром ты посмеялся, но лучше смеётся тот, кто смеётся последним! Враг твой времени зря не терял, и уже сбегал к губернатору, который теперь уже вовсе и не рад, что смеялся утром со всеми на рынке.

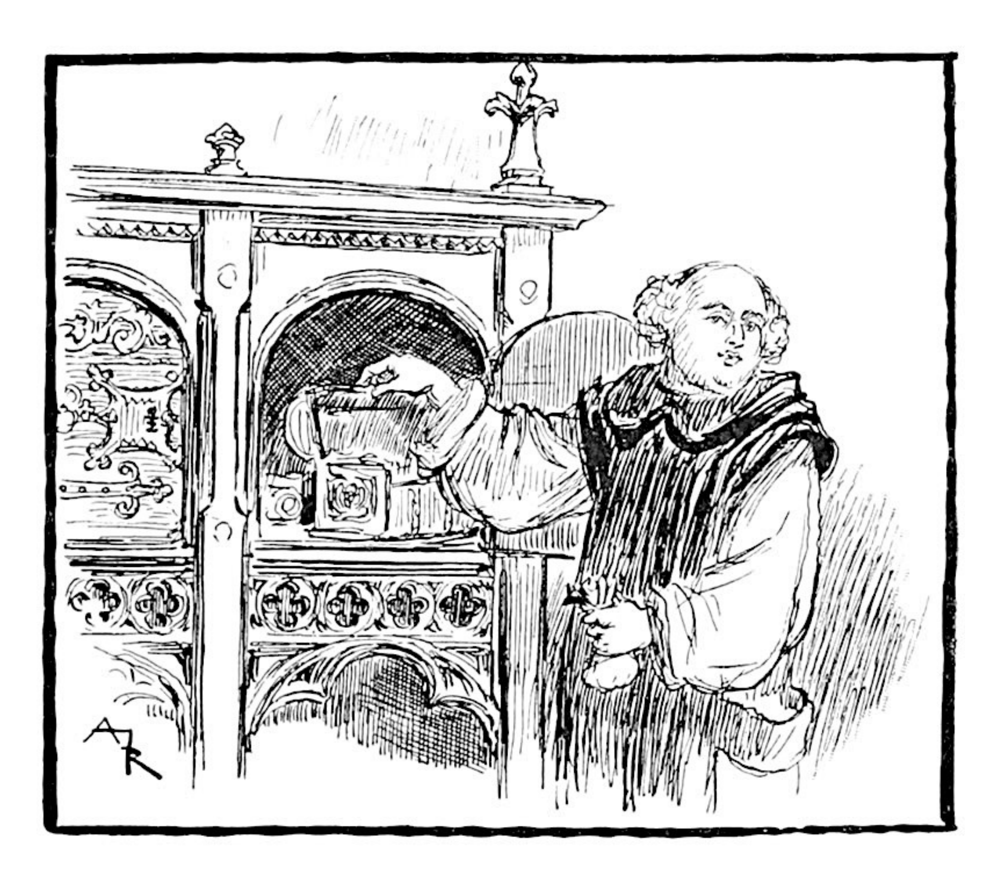

– Уж кому-кому, – усмехнулся Жан, – а мессиру Флави доподлинно известно, что на всей улице Ломбардцев не сыскать такого вора, как Рунжмайл, который обскачет любого меняду по части обмана.

– Как бы там ни было, но губернатора можно понять. Рунжмайл повязан с денежными мешками во Франции, Бургундии, Фландрии. Он богат, хитёр и коварен... Тогда как король наш Карл нищ и гол, и говорят, Флави часто нечем заплатить своим солдатам. Король далеко, а Рунжмайл – вот он, и может быть ему полезен.

– Да-да, но только Рунжмайл не из тех, кто привык расставаться со своими экю.

– И всё ж мессиру де Флави ни к чему беспорядки в городе, вокруг которого рыщут враги, чтобы отыскать в нём лазейку. И он просил настоятеля Сен-Корнель выпроводить тебя из Компьена от греха подальше. Аббат из-за твоих красивых глаз ссориться с губернатором не желает. Так что...

– Мне придётся убраться не только из тюрьмы и аббатства, но и из города! Мне не работать с вами над прекрасным порталом... где я мог ещё многому научиться у вас...

– Мой друг, никто больше не сможет работать... Потом, когда наступят лучшие дни – так мне сказали монахи. Но к тому времени ты уже вернёшься, и мы возобновим работу. А пока ты должен уйти, мой дорогой Жан. Наш добрый аббат, зная, что ты отчаянный обжора, но

славный малый, велел мне передать для тебя эти деньги и наставление в дорогу, чтобы уберечь от прошлых ошибок. Вот, возьми, и то, и другое. Не транжирь денежки, мой мальчик, дорожи каждым экю – как ни коротка дорога от Тура до Парижа, аромат душистых роз остаётся в пути вместе с деньгами.

– Поклонитесь за меня настоятелю, и скажите, что я очень надеюсь однажды выразить ему свою благодарность.

– Уже пора?

– Бедный Жан, – не выдержала Джульетта.

– Ну-ну, – успокаивала её Мартинотта, – стоит ли плакать? Всё же это лучше, чем болтаться на виселице, или сидеть до скончания дней на хлебе и воде в темнице.

– Вот тебе письмо к главному архитектору туринского собора, надеюсь, у него найдётся для тебя работа. Минуют беды, и мы не останемся без дела – Компьену понадобятся мастера украсить город великолепными зданиями и статуями. Ешь, и набирайся сил.

Мадам Мартинотта щедро наполнила тарелку Жана капустой с говядиной. Мэтр Бонварле наполнил стакан молодым и кисловатым забористым вином из Венеции.

– Пей вино, и в путь! Чем скорее тронемся, тем лучше, мой мальчик. Когда городские ворота закроют на ночь, ты уже должен быть далеко.

– Ха-ха! Неужто вы думаете, что закрытые ворота помешают мне выбраться из города? Я не раз выходил из него ночью, когда мне того хотелось... Неподалёку от старого потайного хода стена не слишком высока для того, у кого ноги не коротки.

— Нет-нет, ты выйдешь за ворота, и я тебя провожу, чтобы быть уверенным, что ты не натворил чего!

Длинна с голодом дорога, коротка среди врагов

Встречай, читатель, нашего героя – Жана Забияку, под весенним вечером дождём на пути из Нормандии в Пикардию, идущего налегке с опущенной головою по грязным лужам, часто оглядывающегося на заходящее в жёлтой мути за серыми тучами солнце. Минула зима, как мы расстались с ним, после его освобождения из тюрьмы аббатства Сень-Корнель.

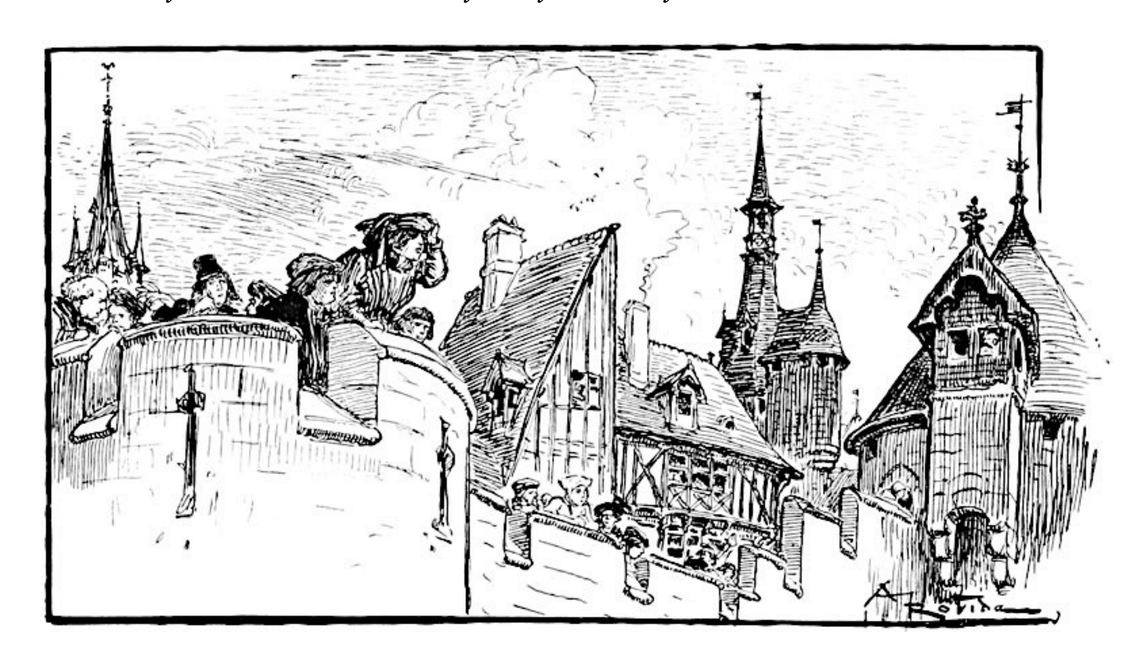
Ветер зло хлестал голыми ветками деревьев, и тоскливо гудел в ветряных мельницах на холмах, за коими клубился над деревней дым, уносимый яростным вихрем.

Жан выглядел более удручённым, нежели в прошлом году на лесах портала Сен-Корнель, и, увы, пребывал в большей опасности.

Ветер зло хлестал голыми ветками деревьев, и тоскливо гудел в ветряных мельницах на холмах, за коими клубился над деревней дым, уносимый яростным вихрем.

Жан выглядел более удручённым, нежели в прошлом году на лесах портала Сен-Корнель, и, увы, пребывал в большей опасности.

Истекло полгода, долгих шесть месяцев, когда в последний раз он тесал своих горгулий в аббатстве, где остался его друг и учитель, мастер Бонварле докончить святых у алтаря. Суровые и тяжкие испытания выпали ему за это время. В городах не стучали весело молотки камнетёсов, везде бушевала война, в каждом пришлом горожане видели лазутчика, напуганные многочисленными бандами вражеских наёмников и солдат, которые повсеместно разоряли окрестности.

Эти разбойничьи шайки англичан, бургундцев, фламандцев расползлись по земле в поисках поживы, грабя и насильничая, сжигая деревни, держа в страхе города и замки. Мирный договор с герцогом бургундским скончался тотчас, как английские знамена взвились над полями Франции, сзывая под них всех охотников до легкой добычи!

Как-то там добрейший Жако Бонварле среди грохота оружия сражений – такой тихий и мирный человек, на склоне лет, на исходе сил,

с милой Джульеттой, так красиво вышивающей по утрам цветы золотом на пурпуре для монахов Сен-Корнель?

Жан прегорько усмехнулся, вспомнив доброе напутствие мастера Бонварле ему в дорогу, данное при прощании полгода назад: «Друг мой, не считай себя богачом, имея четыре кроны в кошельке, не возомни себя господином в весёлой компании в трактире, и не верь дружбе ценой в кувшин вина! Не сори деньгами, помни — день настанет чёрный...»

— Да, мэтр Бонварле, — не удержался Жан от восклицания, оступившись в луже, — я научен считать, мэтр Бонварле! Это совсем просто, когда нет денег в кошельке, и даже кошелька нет! Мне дважды два уже сдаётся миллионом... Эх, мэтр Бонварле!

Жан вздохнул.

— Как же ещё он говорил? Ах, да: «Беги бездельников кампаний шумных, застолья пьяного и драчунов! Мой друг, того тебе бы не сказал, когда бы всей душой я не любил тебя, не ведал, что ты открыт для радости и смеха непременно! И нрав твой зло с тобою может пошутить. Когда ты вдруг зайдешься в беспричинном смехе, задумайся — а так ли мир хорош, чтоб верить всякому, кто в ответ тебе смеётся, с тобой не плакав никогда? Если совет мой не забудешь, у тебя всё будет хорошо».

Жан палкой срезал куст крапивы.

— Всё будет хорошо? — зло добавил он. — Нет, мэтр Бонварле, о нет! Я не смеюсь, я плачу, и мой желудок со мною плачет заодно... от голода. Я только и думаю о нём, и мне не хорошо. Думать на пустой желудок день и ночь, плохо, очень плохо! Куда запропала моя былая веселость? Добрый мэтр Бонварле, советовал потуже затянуть мне поясок, и бежать от красных хмельных рож за пышными столами с фаршированною птицей, андульеттами и ветчиной, от винных бутылок с

анжуйским, туринским и гасконским... О! Cmon! Не я – они бегут за мной, мучая жаждой и голодом меня, и мутя рассудок мой! Подите прочь деликатесы, но хоть морковки или репки где найти... корешок какой... Разве день мой чёрный день не настал? Мастер-мастер Бонварле, урок я ваш усвоил, и стал чертовски бережливым, безумно бережливым, ужасно, страшно, жутко бережливым!

Жан наддал палкой камню на дороге, и тот улетел вперёд шагов на тридцать.

– Простите меня, мэтр Бонварле, что все прочие советы ваши напрочь я забыл, постольку мне они не понадобились вовсе. «Держи себя в узде, не злись, не дерись, не ссорься... наживёшь врагов... не теряй головы, не лезь на рожон... и так далее, и так далее...» Ах, мастер Бонварле, невинную овечку во мне загрыз голодный волк, готовый грызть и рвать любого, кто против меня. Кто тут на Жана Забияку? Получи! Получи!

Ужасным образом сражался он с невидимым врагом своею палкой, как вдруг прянул в сторону с дороги, будто б в страхе, и затаился, озираясь, совсем уж не похож на забияку; но за кустом, оставив озорство, он вытащил из своего мешка большой молоток камнереза, и приладил его к своей длинной палке.

– Кто они такие с коровой и мешками? Мародёры, или мужичьё? Французы, или англичане? Ба! Да их всего трое, ну, этим меня не испугать...

Жан приложил руку козырьком к бровям, оглядел дорогу позади трёх путников — не идёт ли кто за ними, и вышел из кустов без страха на самую середину дороги.

— Ясно — это крестьяне идут домой, — пробормотал он. — Остановились, испугались меня увидев.

Жан помахал им, приветствуя, снятым с головы колпаком, и селяне нерешительно пошли ему навстречу

Это и впрямь были бедные пахари — седой взъерошенный старик и двое молодых крепких парней, глядевших на него исподлобья. Старик придерживал корову, а спутники его перехватили поудобней вилы.

— Доброго вам вечера, друзья, — прокричал им камнерез шагов за двадцать от них.

— И тебе добрый... — отозвался сурово старик.

— Вот и хорошо, будьте любезны спрятать зубки ваших вил, друзья, — улыбнулся Жан, — я не англичанин и не брабансон какой! Откуда вы? Всё ли ладно на дороге?

— Тоже ничего хорошего... — отвечал старик.

— Беда какая стряслась?

— Стряслась. На семь-восемь лье вокруг повсюду англичане, их банды рыщут в поисках поживы по деревням то тут, то там. Видишь, дым вон там? Вчера там была ещё деревня... А левее дальше, виден ещё дым, тоже люди жили рядом с замком своего сеньора — их разграбили и поубивали. Не стало жизни людям бедным в этой несчастной стране! Поля наши брошены, хлеба нет, жёны и дети по лесам, да по болотам прячутся! Но и там не лучше... Вот последняя корова, спасаем её от бандитов.

— Беда... — согласился Жан.

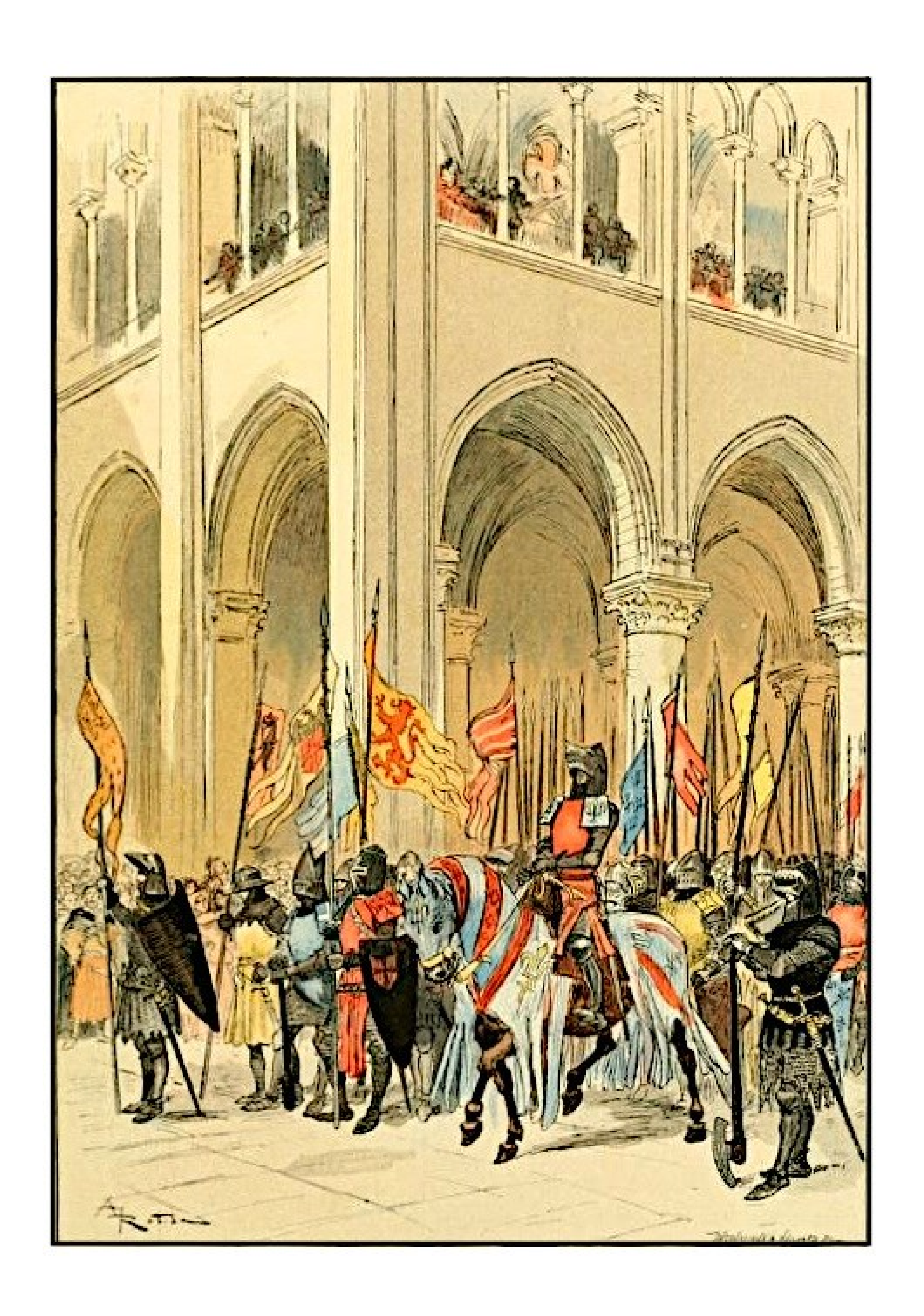
— Куда нам деваться от бед, когда нас только грабят, — встрял в разговор один из парней. — То слуги короля кричат нам: «Подавай-ка своего быка сюда, мы голодные, есть хотим!»

— То англичане с бургундскими собаками обдерут до нитки, обзывая нас псами арманьяков! Сильно повезёт тому, чей дом или овин не сгорит при этом! И когда всё это кончится? Мы все только лишь о скором чуде и мечтаем, а пока шагаем в лес, — подхватил второй.

— А ты, паренёк, куда идёшь? — спросил старик.
— В Компьен.
— В Компьене англичане.

– Ну, нет! Он в осаде герцогом бургундским с англичанами, но города им не взять – зубы обломают! Говорят, что Жанна – Дева Орлеана, жару давшая повсюду англичанам, видела Святого Михаила, который ей сказал: «Иди Компьен спасай, как Орлеан спасла минувшим годом». Вот и я туда иду, уж попомнят меня англичане...

– Ступай с удачей! Но остерегись – никому не верь, зло повсюду. Держись Валуа, и не ходи на Крейл – англичане уже там, а в Санлисе люди нашего короля Карла.

– Удачи и вам в лесу, будьте здоровы, и не теряйте надежды!

Крестьяне погнали свою корову к лесу на север, а Жан повернул на юг к зловещим дымам, о которых рассказал ему старик.

Да, не прошло и полугода, как тучи вновь сгустились над Францией. После череды быстрых и знаменательных побед, чуда минувшего года, когда пастушка из Лотарингии, встав во главе войска, зажгла сердца лишь своим присутствием в простых солдатах, рыцарях, герцогах, принцах, и всех – от юнцов до стариков, повела в яростный и праведный бой на англичан, которые настолько были ошеломлены её победами, что отказывались слать из Англии подкрепления, убегая в ужасе перед «проклятой колдуньей». И вдруг после Орлеанского чуда и коронации в Реймсе, обещавших скорую победу над врагом, всё переменилось.

Вместо того, чтобы двинуться вперёд победным маршем на врага, воспользовавшись счастливой судьбой, пылом солдат, и смятением в рядах неприятеля, королевская орифламма, ни с того ни с сего, повернула вспять! Невзирая на победы Жанны, герцога Орлеанского, её неотёсанных боевых соратников – Потона, Ла Гира, Дюнуа, король Франции вернулся в Луару, где вновь стал королём Буржа с Шиноном, игрушкой в придворных играх, и все плоды французских побед 1429 года были утрачены.

Англичане, воспользовавшись бездействием королевской армии, пошли в наступление, угрожая городам, принявшим сторону короля. Провинции, вырванные у врага Жанной д'Арк, были разорены и опустошены. Нуайон был занят неприятелем, и передовые отряды его показались перед Компьеном, захватив предместья на берегах Уазы.

Военачальники Карла VII выступили в поход сами по себе без воли короля; Ла Гир захватил Лувье и Шато-Гайяр, и оттуда изматывал противника постоянными набегами на него. Жанна д'Арк, отпросившись, наконец, у короля, с небольшим отрядом ринулась в бой. С неслыханной дерзостью она прорвалась через англичан в Ланьи, и поспешила на помощь Компьену, чтобы, как и обещала Гильому де Флави, вдохнуть мужество в гарнизон и жителей города.

Бедняга Жан устал бродить от города к городу в поисках работы ради пропитания – её нигде не было из-за войны; стройка везде была приостановлена, и казалось, что здания скорей разрушатся, чем их достроят. И тогда он сказал себе, что сильные руки способны не только камень тесать, но и держать оружие, чтобы выбить из англичан дух по всем законам войны в праведном гневе на тех, кто ему ни спать, ни есть не даёт в своём отечестве.

Так решив, он загорелся мыслью скорее бить, лупить врага со всею яростью, и поспешил в Компьен, чтобы присоединиться к маленькой армии Жанны, где он окажется бок о бок со своими друзьями, и будет рад встретить своего учителя – мэтра Жако Бонварле.

Жан ускорил свои шаги по дороге, непрестанно оглядываясь по сторонам, не желая быть застигнутым врасплох недоброй встречей возле деревень, чей мрачный вид и чья тишина не сулила ему ничего хорошего. Близилась ночь, темнеющее небо подпирали закопчённые трубы печей и каминов среди дымящих пожарищ. Гнетущее молчание нарушали порой только крики торжествующего воронья, стаями проносившегося над холмами.

– А как же мой ужин? – встал внезапно Жан. – И где мой обед? Иду круглые сутки сегодня, вчера, позавчера, всё иду, и иду ему навстречу! Но его нет... Может, ужин меня ждёт? Нет, вокруг ничего, что можно скушать, трава мне не подходит, что-нибудь покруглее, посытнее... ну-же, ну-же, где мой ужин?

Он переходил с одного поля на другое с опущенной вниз головою, но ничего, кроме сорняков, не находил.

– Чёрт! – воскликнул он вдруг. – Я иду мимо деревни, мимо ужина своего, зачем ему меня ждать в поле, только осторожней надо, чтобы самому не попасться на ужин. Жалобная с виду деревушка – не найти мне тут ни жаркого, ни вина, но быть может тут найдётся... Что это? О, Небо! Это репа! Бог мой – лук, морковка! Я люблю вас, и зову со мной на ужин! Ужин!

Через поломанную изгородь Жан залез в забытый кем-то огород, где в сумерках волнились грядки с овощами. Не прерывая монолога, он с восхищением адресовал его своей добыче. Напомню – Жан был очень разговорчив, он любил свои мысли сопрягать с словами, ничуть не смущаясь отсутствием слушателей; и порою, как мы наблюдали, мог ссориться с собою и мириться, грубить себе, хвалить себя, мог довольным быть собою, иль напротив, но никогда не злился на себя так, чтоб разлюбить себя навовсе.

– Морковочка! Юная, нежная! Репочка – зеленовата! Тут где-то видел я лучок, ах, вот он, лук-порей, чудненько! Ещё морковка, сладкая, как мёд! Отлично! Превосходно! Чудесно! Всех я вас зову на пир! Королевский знатный пир! Стоп – это уже слишком, чревоугодие – смертный грех! Чревоугодие! Сказочно! Но и завтра надо кушать – это не из жадности, это мудрость жизни!

Набив доверху мешок, он мог быть спокоен за ближайшие дни. Присев за деревом, Жан стал рассуждать совсем иначе.

– Чтобы вкусить счастье, нужен покой, – сказал он. – Потому, надо выспаться, ведь я устал, устал как чёрт. Вон в том доме, кажется, ждёт меня постелька и райский покой... Брр! Не к месту чёрта с раем вспомнил я – в доме двери настежь, окна выбиты, бедой тут пахнет, смертной тишиной... Дай Бог хозяевам прятаться в лесу... Нет, в дом я не пойду, хотя я и устал, сарай вполне мне подойдёт.

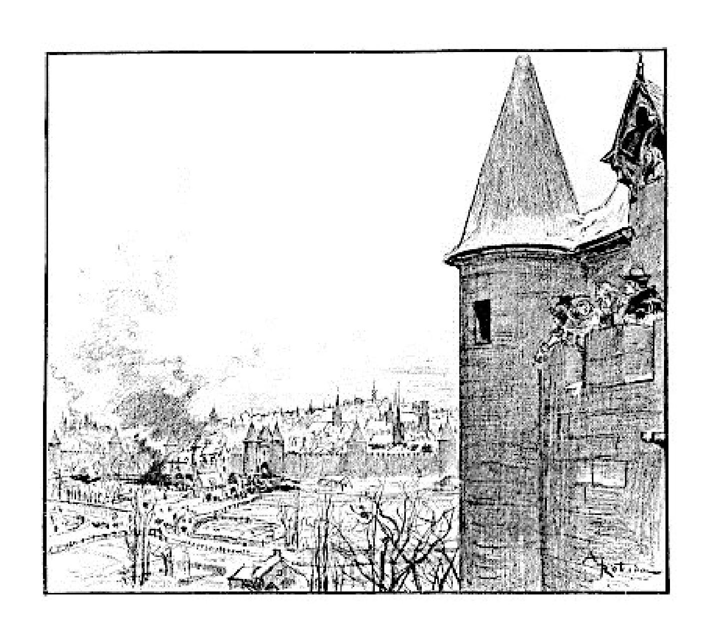
Жан обошёл вокруг сарая, оттопырив уши и глядя во все глаза, сунул голову за дверь. Никого, ни звука. Он вошёл, и наощупь стал искать место для ночлега. Натолкнулся он на кучу дров, споткнулся зазвенев о бороны и плуги, и, наконец, достиг угла с ворохом соломы. Устроившись на ней в блаженстве, он смотрел во тьме на потолок, и когда глаза привыкли, увидел щели между досок, из коих выбивалось сено.

– А ведь там мне будет лучше, чем в кроватке на пуховой перине дома, и спокойнее, давай-ка не ленись, и лезь наверх, Жан!

Забросив палку на сеновал и свой мешок, он подтянулся на балке, и перебросил своё тело на чердак, набитый доверху душистым сеном. Тут он мог себе устроить поудобней ложе, защищённое от сквозняков, с одеялом из цветов, тепло и не пыльно, и паутины нет, свисающей повсюду кружевными занавесями.

— Господи! — взмолился Жан. — Пошли мне завтра, что и днесь — ужин праздничный и ложе с ночью лунной! Едва она погаснет, даруй мне лёгкий путь с восходом солнца по катанной дорожке!

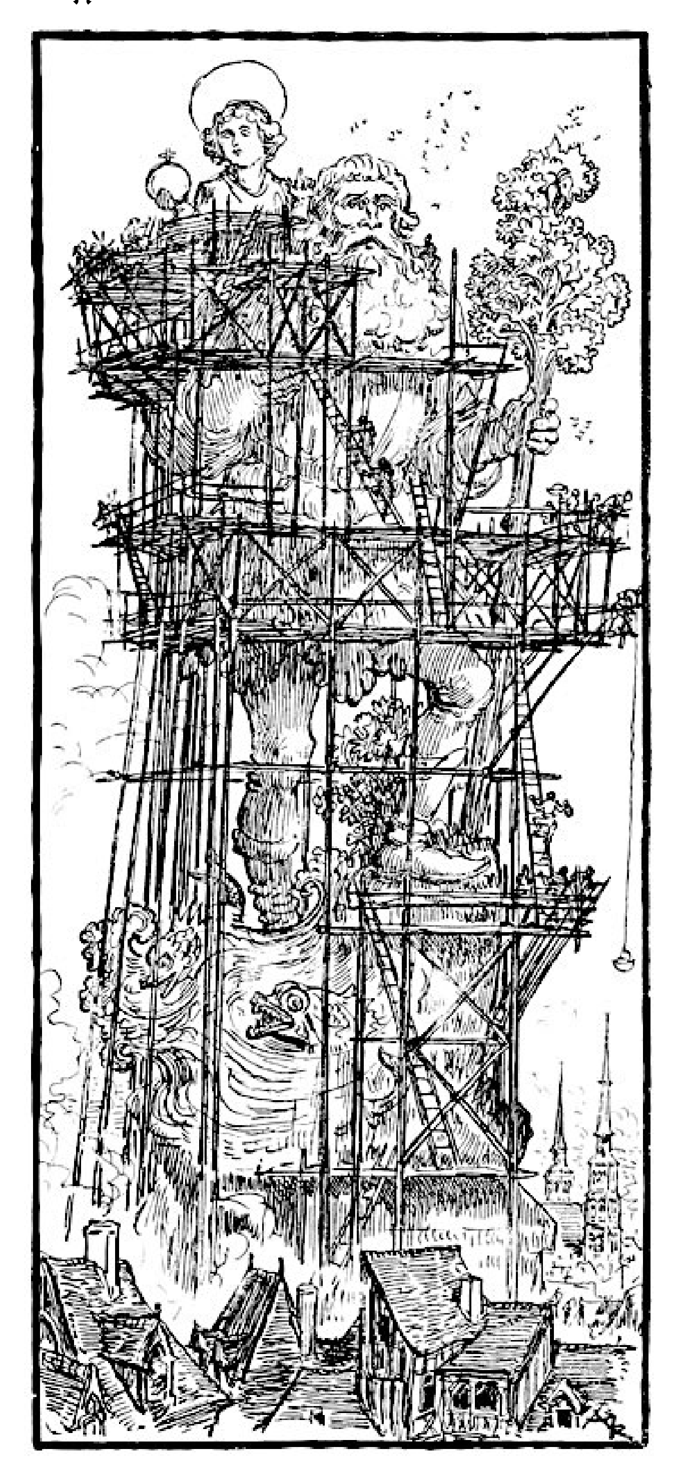

Сладостный ночи покой, отнятый разбойниками с большой дороги

На мягком сене под соломенной крышей Жан проспал несколько часов. Во сне он размечтался. Впервые сытый за много дней, он расслабился, чувствуя тепло во всем теле, и грустные мысли покинули его, уступив место светлым. Ему снилось, как монахи Сен-Корнель, стройно и чинно, принесли ему его зубило, умоляя вырезать для аббатства всех святых без исключения. Ему отвели лучшие покои в монастыре, кормили, поили, и он со всем своим талантом творил чудеса! Даже мастер Жак Бонварле преклонился пред его святыми образами, выразив сожаление, что он не способен сделать лучше. Он много и быстро работал, и кормили его пять-шесть раз в день, и вот уже Жан ваяет Святого Христофора высотой в двести футов, которого надо было водрузить на высоченный пьедестал. Это не так просто! Жан ворочался на сене, втаскивая на постамент

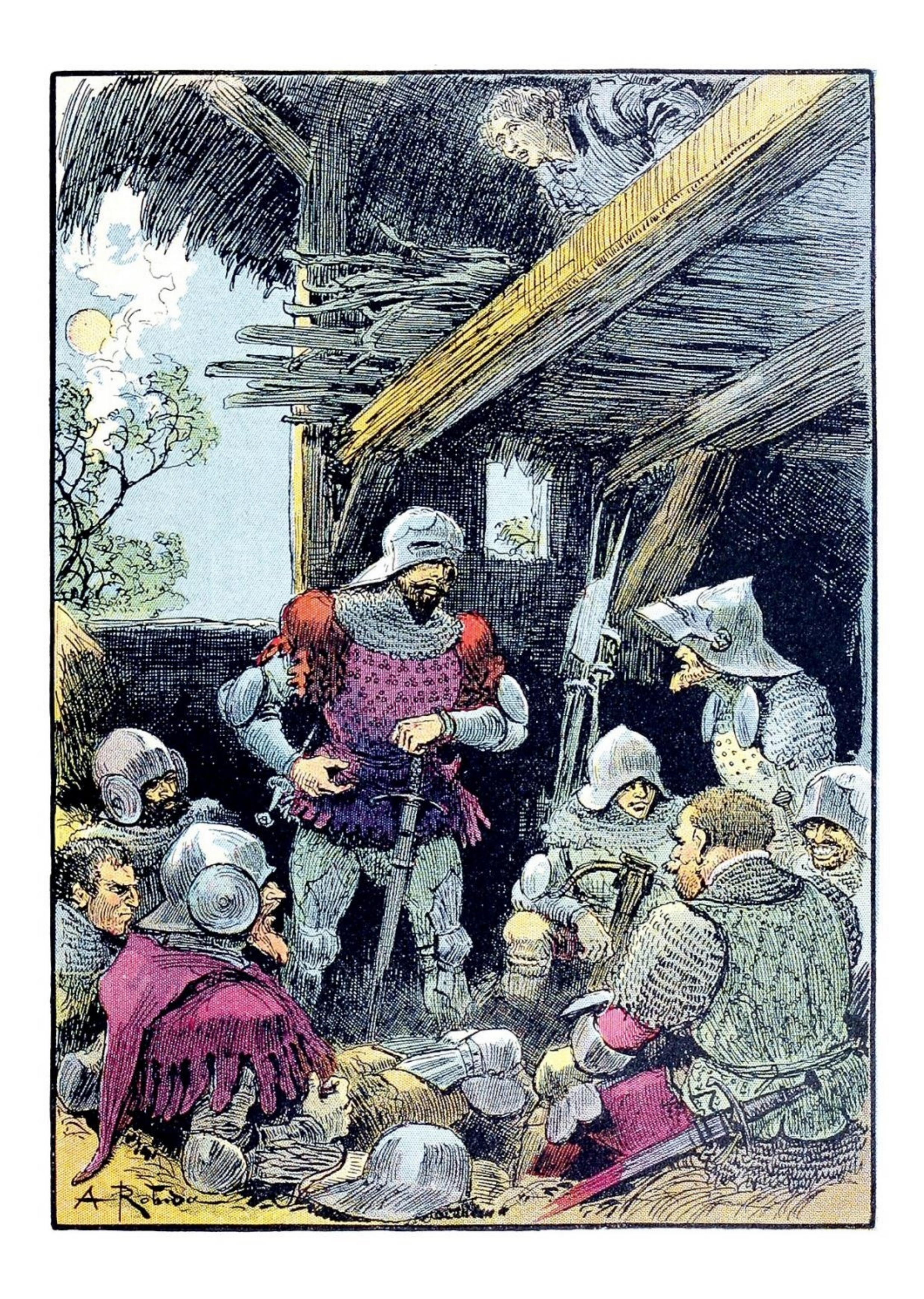
колосса Христофора. Пот выступил у него на лбу... и тут он проснулся, и сжался в кулак. Внизу говорили, и ходили!

Кто там? Жан Забияка протёр глаза — не сон ли? Нет. Он на сеновале не один — внизу болтали.

Вовсю сияла луна, пропуская свои яркие лучи сквозь щели в полу сарая, и через дверь, раскрытую настежь, также лился её свет. Жан, насторожившись, слушал. Нежданные гости говорили очень тихо, но поверх их голосов порой трубой командной звучала речь с примечательным акцентом.

— Разбойники! — догадался Жан. — Угораздило же меня к волкам попасть прямо-таки в пасть! Кто они? Говорят, как вроде, по-французски, но половины слов не разберу. Чёрт меня дери! Фламандцы, их язык. Так! А это брань английская! Значит, кучка бандитов брабантских и англичан. У-у! надо здорово подумать, как в их когтях своей шкуры не оставить. Сколько же их?

A. Robida

Тысячу раз осторожно, чтоб не зашуршало сено, он медленно подполз к краю сеновала, и глянул вниз с опаской.

Они – бандиты, прямо под ним – кто сидел, а кто лежал кругом на соломе, кто в луне, а кто в тени, и сколько их не ясно, но лунный свет то там, то тут выхватывал из тьмы блеск стали бацинетов, мечей, брони и копий.

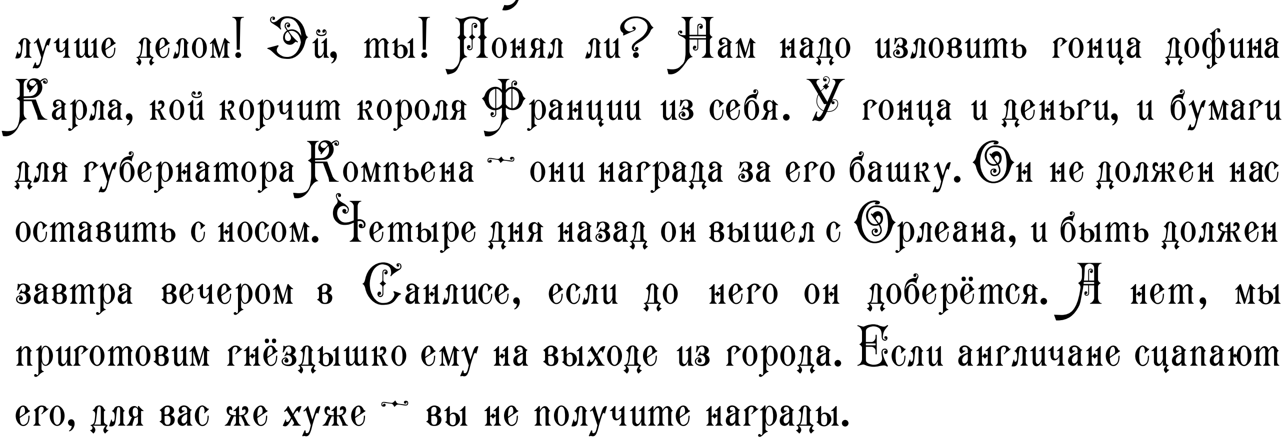
– Да сколько-ж их? – Жан пытался сосчитать – раз, два, три, четыре... там в кольчуге – пять, глаза горят у шестого, нос седьмого – хищный клюв, луну клюёт – опасный тип, и тот ещё – восьмой, что говорит, но самого не видно. Восемь! Ничего тут не поделать, как только тихо смыться.

Это и впрямь была шайка разбойников, и мы опишем то, что не смогли в темноте разглядеть глаза Жана. Работнички ножа и топора, с опухшими, небритыми лицами, обожжённые солнцем, вооружены и одеты были кто во что горазд. Салады их и бацинеты, колеты и дублеты, гамбезоны и бригантины, сюрко и плащи, латы и кольчуги трещали по швам, были латаны перелатаны, ржавы и измяты. Оружием их были луки и арбалеты, вужи и фальшарды, кинжалы и мечи. Жан перевернулся на спину, чтобы оглядеть внимательней чердак. Не стоило и мечтать о бегстве через вход в сарай, но, может быть, удастся выбраться отсюда через крышу? Жан с облегчением вздохнул – луна сама указала ему путь к спасению. В пяти-шести футах от пола была «летучая мышь» – слуховое оконце, выходящее на соломенную крышу.

– Нет ничего проще, только свет луны не застить этим чёртовым бродягам, да мышкой спорхнуть с крыши, ноги не сломав! И не мешкать с этим делом, не то моё тёплое гнёздышко их тоже может соблазнить.

Мягко, по-кошачьи, без скрипа и шороха Жан скользнул к окну на крыше. Он мог дотянуться до него руками, но не слишком ли узко окошечко, чтобы он пролез весь через него. Примерившись, он подтянулся, и очутился на крыше — вполне по размеру оконце! И вдруг вспомнил — клевец свой на палке он позабыл! Как без оружия быть в опасной дороге?

Пришлось с прежней осторожностью возвращаться на место ночлега в поисках оружия. Он нащупал его и мешок с запасом овощей, но с морковкой и репкой пришлось распрощаться — для мешка оконце было узковато. Отложив его, он просыпал пыль сенную сквозь дырявый пол на разбойника внизу, который чертыхнулся и сказал:

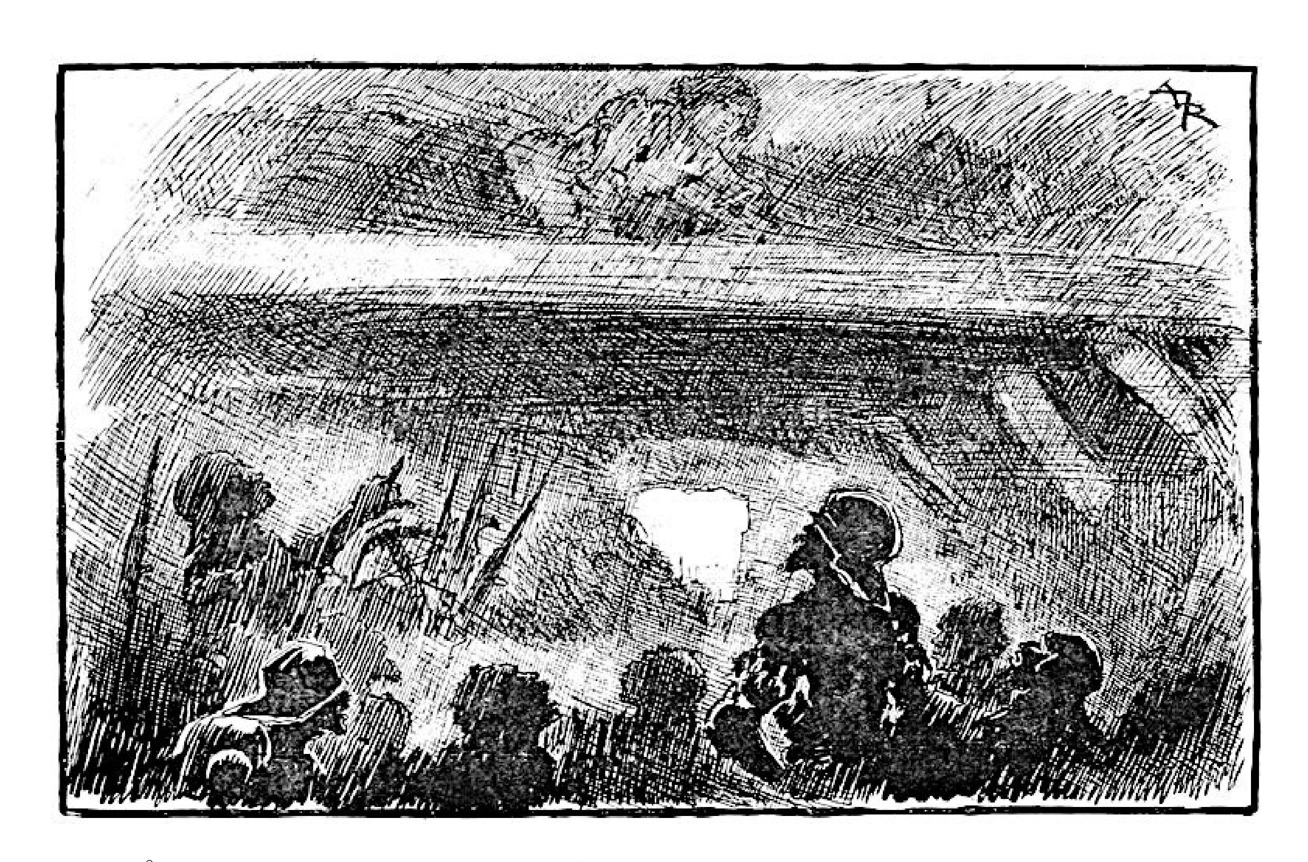

— Чёрт! Наверху там мыши, или кот!

Жан замер, и, выждав, подобрался вновь к окну.

— Оставь мышей коту! — прозвучал в темноте голос их вожака. — Займёмся-ка лучше делом! Эй, ты! Понял ли? Нам надо изловить гонца дофина Карла, кой корчит короля Франции из себя. У гонца и деньги, и бумаги для губернатора Компьена — они награда за его башку. Он не должен нас оставить с носом. Четыре дня назад он вышел с Орлеана, и быть должен завтра вечером в Санлисе, если до него он доберётся. А нет, мы приготовим гнёздышко ему на выходе из города. Если англичане сцапают его, для вас же хуже — вы не получите награды.

— Ну, уж дудки — каков он из себя?

– Узнать его очень легко. Его имя – Жако Бонварле – тщедушный старикашка с седою жидкой бородёнкой...

Услышанное имя заставило застыть Жана, и сердце его бешено заколотилось. Что ещё задумали эти мерзавцы? Зачем им сдался мэтр Бонварле? Весь он превратился в слух, слушая того бандита...

– Наш лазутчик из Компьена обрисовал его достаточно, чтоб ни с кем не перепутать – маленький, старенький, клинышком седая бородёнка. Уразумели?

– Не тревожьтесь, мы убьём всех бородатых старичков.

– Как только письмецо окажется у нас, мы будем знать, что нам делать с губернатором Компьена. Но всё обстряпать быстро надо, пока Жанна – лотарингская колдунья, не собрала большой отряд головорезов, вроде тех, что сейчас при ней, и Ла Гир к ней не поспел.

– Ведьма! – прошептал чей-то голос в тени.

– Ты знаком с ней, я гляжу! – рассмеялся атаман. – Чуешь задницей её взгляд с Орлеана, а после Пате у тебя мокро в штанах от упоминания пастушки?

– Чёрт нам помогай, и мы своё возьмём – и Компьен, и Жанну!

Жан забыл про осторожность, он поднялся во весь рост, и сердце его пылало гневом.

Так, значит, Компьен в беде! Предательство ловушки расставляет Жанне – захватить её, и знамя лилий сорвать с башни городской, которое она взвила над Орлеаном, которое гнало из многих городов английские войска, которым в Реймсе она покрыла короля в великий день его восхожденья на престол.

И тихий, робкий Бонварле – как только он в войну ввязался? – тот гонец, со слов бандитов, от короля к губернатору Компьена, которого они хотят убить? Убить его учителя!

Что же делать? Как помешать предательству? Как спасти беднягу Бонварле? Жан схватился за голову и слушал.

– Отсюда до Санлиса недалече, – наставлял своих подручных атаман. – Спать два часа, а после в путь, чтоб завтра в полдень быть возле города.

– Тьфу! – проворчал один из мародёров. – Ещё ночь не спамши! Поганая работёнка! Нельзя ли тут его дождаться, лёжа на соломке, ну хотя бы до утра?

— А может до полудня? — хохотнул другой. — Ты, Маклу Лежебока, уж слишком любишь поспать, и потому никогда тебе не стать настоящим солдатом!

— Горе мне! Когда я мечтал стать солдатом, я был глупей любого из гусей! Кой чёрт! Я был портняжкой — вот была житуха, парни! Сидел себе я преспокойно у окна напротив площади Руана, и тяжелей иголочки в руках ничего не держал... Дурак я безмозглый! Мне задницу мозоль саднил, и я решил, что мне то вредно! Святой Маклу! Зачем меня так поздно образумил?

– Всем заткнуться и спать! – прорычал вожак. – Два часа! Кроме Лежебоки!

– О-о! – простонал Маклу. – Опять мне в дозор!

– Ха! Бес тебя учи, ты сам вот только что сказал – что шило у тебя в заду, – расхохотался грубиян-гасконец, судя по его акценту.

– Чёрт так же глуп, как ты, болван! Хочешь, за меня пойти?

– Кроме Лежебоки и Жеффруа Гасконца, – обрезал разговоры их вожак. – Обоим марш!

– Уже идём, капитан, – простонал портной. – Куда прикажешь?

– Помнишь тот лесок, лье от Санлиса, мы там прятались уже? Овраг там под холмом, с которого дорога вся видна, как на ладони...

– Как не помнить...

– Вот туда и прогуляйтесь, поближе к Санлису, разнюхайте там всё.

– Как бы нас самих там не разнюхали, особенно меня, – усмехнулся Жеффруа Гасконец, – меня ещё там помнят. Плохая затея!

– Как я забыл, что вы дезертиры из армии дофина, предавшие однажды? Спасибо за напоминанье!

– Мой отец служил герцогу Бургундии, а мать моя из Шампани, и восемнадцать месяцев назад, до того как вас мне встретить, я жил с матушкой в Шампани. Но годом ранее я был с отцом при герцоге, и мы славно время провели – знатною была добыча, не то что с вами!

– Итак, разведайте что да как возле Санлиса, и спрячьтесь в знакомом вам леске, ждите Тукварта, Гольденбаха и Крейсверброука, пятерых достаточно на этого Бонварле. И никто другой мне не нужен! Да хоть вези кто сундуки с экю, пусть убирается к чертям своей дорогой, но не спугните настоящую добычу!

Бандиты усмехнулись.

– Я ж останусь здесь, – закончил вожак, – на всякий случай, если вы окажетесь глупцами, и упустите того, кто нужен нам.

– Хорошо, – вздохнул Маклу Лежебока, – мы не сомкнём глаз! Но я в последний раз! К чёрту меч и арбалет, получу свою долю и стану шить в Руане, иль в Париже! И наслаждаться покоем! Это Гасконца ничем не прошибёшь, а я нежный, и боюсь простудиться. Эх! Клятая работа, проклятая дорога, а жизнь моя дороже мне всего... Крейсвербрук, битюг фламандский, ты придавил мой арбалет, и не чуешь ни черта, заплыв как боров жиром!

– Пошли, – зевнул Гасконец, – оставь, его не разбудить...

Жан Забияка услышал достаточно. Осталось убраться отсюда как можно скорее, вырваться из осиного гнезда, и спасти беднягу Бонварле, и, возможно, весь Компьен, и Жанну, в которую верили все, кто шёл вместе с ней освобождать несчастную Францию.

Воспользовавшись тем, что одни бриганты расшумелись, собираясь в путь, а прочие укладывались спать, он шмыгнул к окну и выбрался на крышу. Спускаясь по ней, он цеплялся клевцом за солому, чтобы не упасть, и не наделать шума.

По счастью, крыша не доставала земли всего несколько футов, и можно было спрыгнуть с неё, не рискуя сломать ногу. Жан осмотрелся. Кругом всё было тихо. Он приготовился, повиснув над землёй, тихо соскользнуть на землю.

И только он собрался съехать по соломе, как почувствовал, что его схватили за ногу. Кто-то, кого Жан не мог видеть, крепко его держал не отпуская.

– Тревога! Святой Георг! Ко мне! – закричал невидимка.

Не раздумывая, Жан ударом свободной ноги отбросил его в сторону, и спрыгнул на землю. Лезвие клинка вспыхнуло над ним в белом свете луны. Жан отскочил в сторону от удара нацеленного ему в грудь, но плечо его ожгло холодной сталью. Камнерез зарычал от гнева и боли, и взмахнув своим молотом с острым концом, наотмашь ударил им нападающего. И тут же ударил его второй раз — удар пришёлся точно в голову, и бандит упал без звука.

Жан даже не взглянул на него, бросившись наутёк. Он услышал голоса и топот ног разбойников, спешивших на помощь своему товарищу. В три прыжка он пересёк двор, перескочил через плетень, и помчался к роще, довольный везением, что бежать надо было вниз по склону холма, не освящённому луной.

Разбойники наткнулись на своего приятеля, и на миг заколебались, прежде чем пуститься в погоню за Жаном, чей тёмный силуэт мелькнул перед ними невдалеке.

– За ним! Давай! Давай! – крикнул их вожак. – Бросьте этого дохлого олуха, ловите его! Он всё слышал, и если мы его не поймаем, всё пропало... Скорей за ним! Лови его!

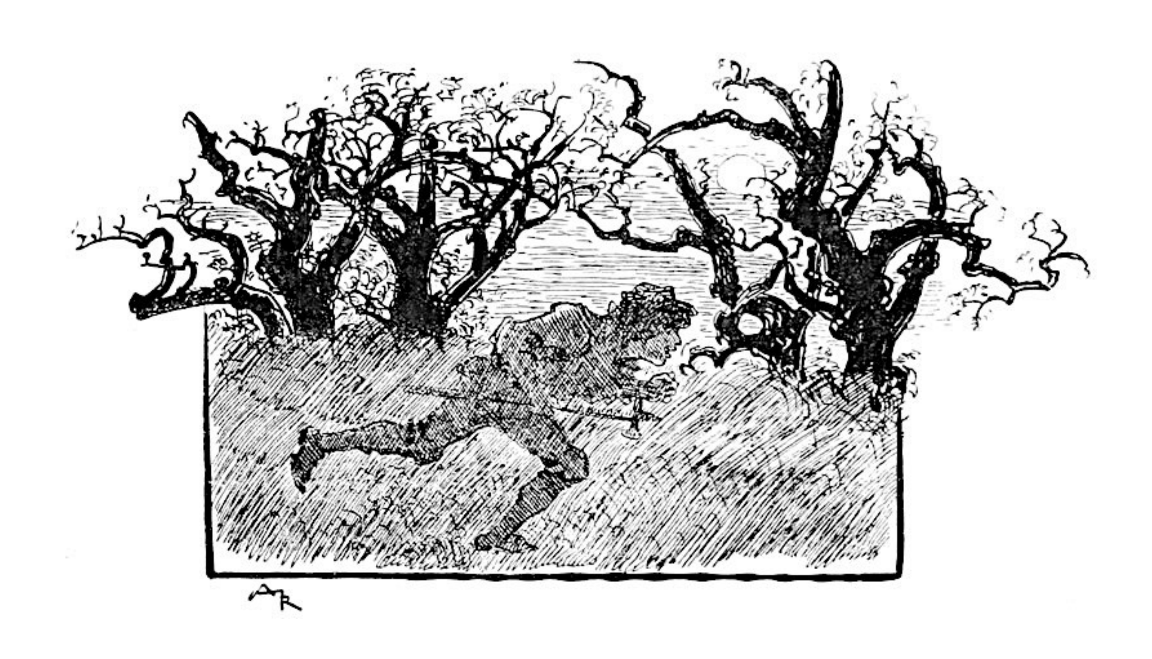
Жан ворвался в рощу вихрем, но, увы, рощица была небольшой, а за нею было поле, залитое холодным светом ясной луны и звёзд. Однако он опережал своих преследователей шагов на двести, и свернул влево, держась тени деревьев, чтобы разбойники потеряли ещё несколько секунд на его поиски.

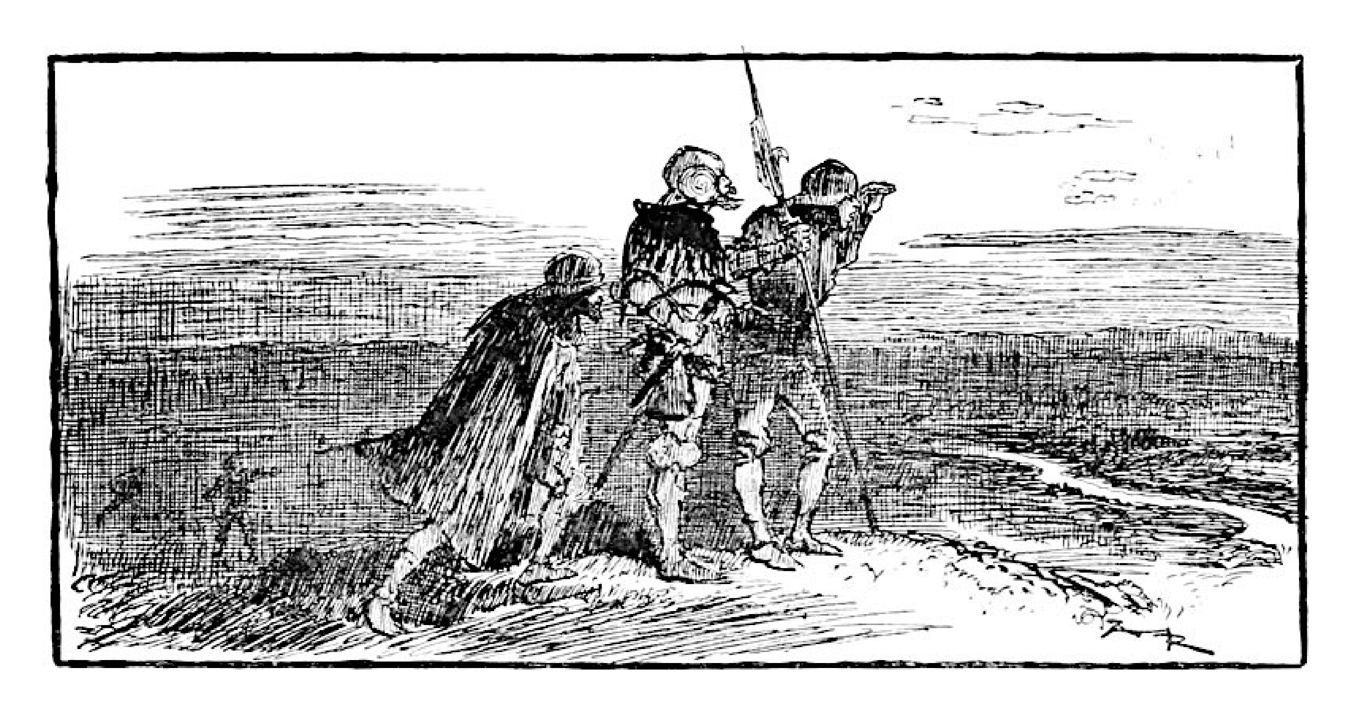
– От тут, тут! – орал атаман. – Я только что слышал его! Разойдитесь на несколько шагов, тихо, ему не уйти от нас!

И снова Жану повезло – в конце рощи он наткнулся на гарь и вырубки с выкорчеванными пнями и густым кустарником, кое-где валялись стволы

деревьев. А далее земля шла вниз по склону на всхолмье. Пригнувшись, от куста к кусту он скакал зайцем, а порой бежал на четвереньках, избегая света. Но вот он оказался на открытой местности, и побежал с вершины холма, куда привела его роща. Он видел мародёров, вышедших из леска, и оглядывающих каждый пенёк, каждый кустик и каждое поваленное дерево в поисках беглеца.

— Неплохие ищейки, — рассмеялся Жан, — но пока вы вынюхиваете меня, я так навострюсь, что вам меня не догнать! Спасибо моей мамочке за мои длинные и крепкие ножки!

Бледное солнце тяжело всходило за тучами, обещавшими дождь на весь день. Минуло около трёх часов, как Жан удирал от преследователей, то со всех ног, а то ползком и крадучись промеж кустов и зарослей деревьев, или по полям с холмами. Игра в кошки-мышки продолжалась. Он долго не мог оторваться от погони, висевшей у него если не на хвосте, то, по меньшей мере, идущей по горячему следу. И вот Жану показалось, что бандиты потеряли его, или остались далеко позади.

Ничто ему не угрожало. Но Жан бежал и бежал, работая локтями ради ровного дыхания, прислушиваясь ко всем звукам за спиной, и избегая дорог с деревнями. Он не знал теперь ни где он находится, и есть ли враги вокруг. Но знал наверняка, что движется в правильном направлении к реке Уазе на Санлис. Слишком много он знал, чтобы бандиты просто так его оставили, и ему необходимо было успеть спасти Бонварле, свернув

его с избранного им пути, вместе с ним добраться до Компьена, и предупредить об измене в городе Гильома де Флави и Жанну.

Он молил свою удачу не изменять ему, и был готов скорее умереть, чем увидеть бедного Бонварле угодившим в ловушку; о, если б такое случилось у него на глазах, он кинулся бы на мерзавцев в одиночку.

— Значит, их девять, — думал Жан на бегу, — и один из них не скоро побежит, я надеюсь, после встречи со мной. Осталось восемь. Я знаю их намерения — четверо в засаде у Санлиса, и четверо дальше ещё. Я бегу! Я успею! О! Я встречу Бонварле раньше, и предупрежу его... Им не убить моего друга, я сам разделаюсь с ними! Чёрт! Опять есть хочется... Бег лишает меня сил... И мешок я бросил, и трава одна кругом! В какой деревне можно найти на огородах морковку, репку... Ах, где мой вчерашний ужин! Заткнись, живот, имей мозги, потерпи хотя бы день, и я накормлю тебя досыта! Небольшая диета на пользу...

Увидев ручеёк, Жан кинулся на землю и припал губами к воде, утоляя жажду, о потом раскинулся на траве в тени деревьев, собираясь отдышаться. Задев плечо, он скорчился от боли в ране. Подумал было промыть её холодной ключевой водой, но рубашка из-за высохшей крови так прилипла к телу, что Жан решил пока не трогать её.

— Повезло, — подумал он, — что это левая рука! Хотя двумя руками легче надрать задницы негодяям с большой дороги! Ничего, я одной правой покажу им, где раки зимуют!

Он встал во весь рост, и взмахнул над головой своим грозным оружием.

— Вот так! Отлично! В путь!

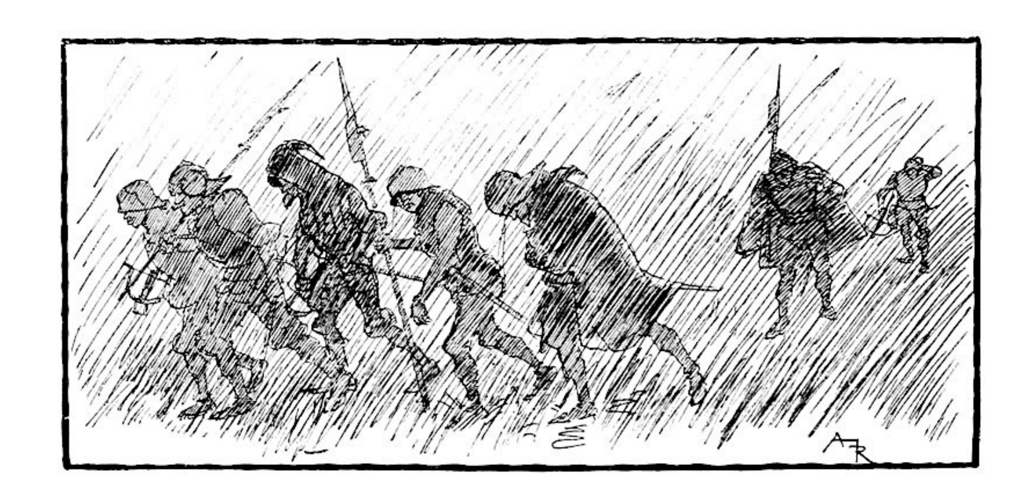
Дорога свободна от бригандов. А что им тут делать — их путь до Санлиса. Жан решил сориентироваться. Он встретился с ними в

нескольких лье от Жизора, и ему крупно повезло в этой встрече с бандитами — теперь он знает, что они задумали. Он бежал от них на юг, и свернул со своего пути. До Санлиса недалеко. Надо было перейти Уазу возле Бомон-сюр-Уаз, затем через лес выйти на дорогу, и подождать Бонварле перед засадой.

В этот момент пошёл дождь, грозивший пролиться с рассвета. Он обрушился ветром с ударами в спину, накрыв плотной завесой горизонт, и пробирая до костей.

Жану было на это наплевать. Его утешало то, что по дороге теперь идти куда хуже, чем лесом. Он даже представил себе разбойников, идущих по грязным глубоким лужам, и ливень хлещет их не переставая. Жан рассмеялся, и весело продолжил путь. Дождь сбережёт ему три добрых четверти часа. А ветер поможет обойтись без моста через Уазу — он просто переплывёт её по течению, им гонимый. И даже не промокнет!

С холмов над рекой он окидывал взором грустный пейзаж вокруг, над которым катились валами тяжёлые тучи, проливаясь косым дождём. Тёмные поля пересекались бредущими по ним, отдельными деревьями, собиравшимися густой толпой в лесах, встающих стеной куда ни глянь; и все они имели свои имена – Лес Шантильи, Лес д'Алате, и прочие, прочие, входили возле Вербери и Бетизи большой семьёй в великий лес Гизов, или Компьенский лес. Жан сбежал со склона холма, и с разбега бросился в Уазу. Река, и впрямь, была не мокрее полей.

Выбравшись на другой берег, он встряхнулся, и снова побежал. Дождь прекратился, солнце протиснулось в щель между хмурыми тучами.

Жан решил держаться подальше от леса, где могла скрываться засада, и бежал вдоль него на безопасном расстоянии.

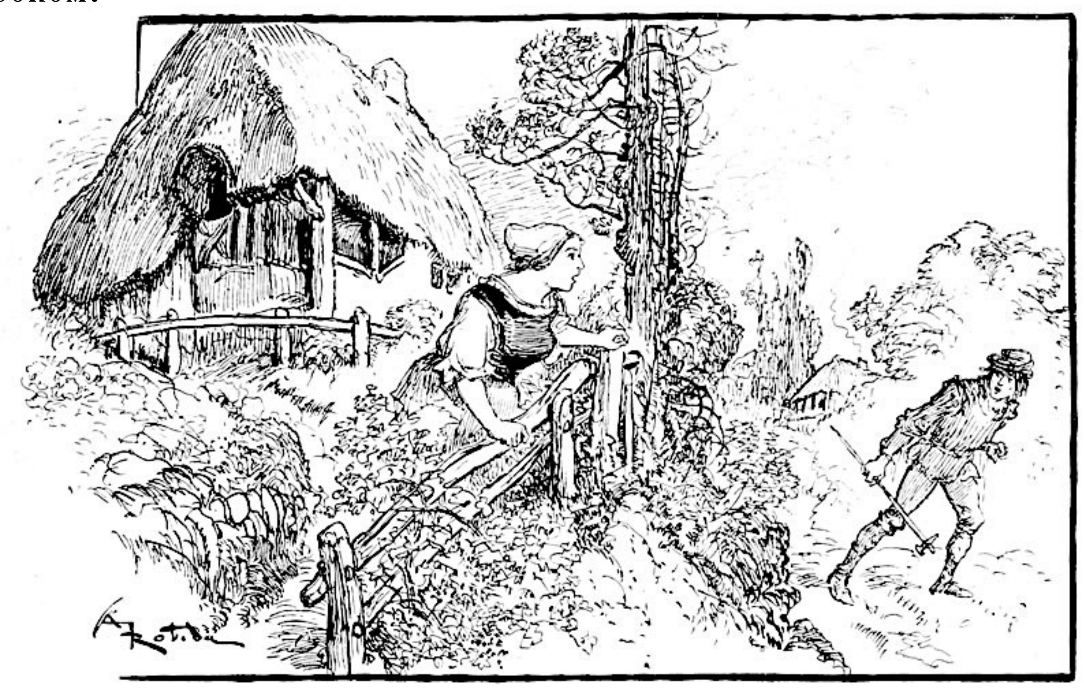
— Куда так спешишь, бедолага? — окликнула его от своего жилища жена лесоруба, чьё сердце не смогло не сжалиться над ним — оборванным и мокрым. — Ровно, кто гонится за тобой!

— Вы не видали поблизости английских солдат? — спросил её Жан, остановившись на мгновенье.

— С неделю как никого не видели, — ответил вместо неё лесоруб, высунувшись из окна, — но...

— Что?

— Только что, там, у леса, я видел четверых или пятерых, по виду — разбойников. Тебе лучше обождать здесь, чтобы не повстречаться с ними ненароком!

— Спасибо! — отвечал Жан. — Но у меня нет времени.

«Это мои преследователи, и теперь они спешат к месту засады», — подумал он: «Мне надо спешить, спешить, спешить...»

— Ты замёрз, и голоден, — уговаривала его добрая женщина. — Вот, на, возьми хотя бы хлеба кусок — ты недели две, видать, как без еды!

Жан поймал краюху хлеба на лету, и стал жевать его на бегу.

И он бежал, пока не добежал, куда бежал — до дороги в Санлис, где должен был пройти Бонварле, которого ждали разбойники.

На дороги ни души, тишь да гладь, да не благодать — в такую непогодь все добрые люди сидят по домам, и только беда какая могла бы выгнать их за порог, за которым беда ждала не меньшая — разбойники с большой дороги.

С обеих сторон над дорогой возвышались лесистые склоны холмов, где можно было спрятаться в ожидании Бонварле. И Жан выбрал ветвистый дуб, крона которого надежно защищала от дождя и от посторонних глаз, позволяя видеть дорогу, как на ладони.

— А теперь ждать, ждать, и ждать! — говорил сам с собою Жан, стараясь успокоить дыхание и биение сердца. — Я ничуть не устал, я не голоден, тут тепло и сухо! И всё остальное ерунда, если мне удастся спасти мэтра Бонварле. Только бы он не задержался.

Однако, живот Жана никак не хотел соглашаться с тем, что его телу ни холодно, ни жарко, и вопил от голода. А гонец короля в Компьен, достойный мэтр Бонварле, которого с нетерпением ждал Жан, опасаясь разбойников, всё не шёл. Жан, сидевший птичкой на ветке, занемог от недвиженья, борясь со сном. Он шептал и шептал себе губами всякую всячину, растрясая от спячки мозги, и почёсывая занемевшие члены; и злил себя воспоминаниями о Тибо Рунжмайле, который обобрал его до нитки, припрятав его денежки к себе в сундук.

Но только ночь пришла вместо Бонварле.

И до Жана добралась её прохлада, навалившись холодом, голодом, сыростью и усталостью, и рану задёргало ноющей болью. Какой уж тут сон! Он бредил. Деревья гнались за ним по дороге через поле. Хватали его длинными сучьями, чтобы он превратился в деревянного истукана, и он отбивался от них руками и ногами, пока не стукнулся головой о ствол дуба.

— Мастер Бонварле! — взывал он шёпотом к каждому шороху со стороны дороги. Но ничего, и никого! Только время шло неслышно. Время от времени он слезал с дуба и припадал ухом к земле. И среди ночи вдруг услышал отчетливо дробный звук лошадиных копыт. Он встал и вгляделся в темень. И впрямь на дороге от Санлиса показались силуэты, как минимум, трёх всадников.

Скоро они были здесь.

Жан из-за густой листвы видел блеск их лат и мечей. Встреча с вооружёнными с головы до ног всадниками не предвещала ему ничего хорошего. Они остановились поодаль от него, будто держа совет.

Скоро один из них поскакал, разбрызгивая грязь, по дороге дальше, а оставшиеся спешились и присели на траву в кустах рядом с дубом, где прятался Жан.

Он собрал себя в кулак, и крепко держа в руках клевец, приготовился ко всему, что бы ни случилось. Около часа он наблюдал за ними, подумывая – а не напасть ли на них.

Оба рейтера выглядели нетерпеливыми – они то и дело вставали, расхаживали взад-вперёд, пытаясь согреться, и ворчали.

– Чёрт! Я еле держусь на ногах от усталости...

– Заткнись! Уже хорошо то, что капитан выпросил лошадей у англичан в Крей.

— Сил нет... собачья работа.

— Я сказал — заткнись! Вечно ты ноешь, тебе ничего не нравится. Когда-нибудь докличешься настоящей беды. И в раз успокоишься, и всё тебе станет хорошо. Знаешь, почему? Потому что ты не будешь ни стоять, ни сидеть... но будешь висеть на суку!

— Верёвка по тебе не меньше моего плачет, грязная свинья. Всем разбойничкам она колечком вьётся... Так что, сам заткнись!

Жан их узнал — этих двоих он уже видел и слышал в амбаре. Что с ними делать? Не избавить ли их от петли, уложив прямо тут на дороге? Но пока он раздумывал, он услышал стук копыт третьего всадника, возвращавшегося галопом. Быстро же он вернулся.

— Эй, вы! — прокричал он. — Гасконец! Лежебока! В седло быстро!

— Что? — вскочили бандиты. — Он идёт?

Жан вздрогнул и приготовился.

— Нет! — сказал третий всадник, выругавшись. — Чёрт его дери! Он ушёл. Пока мы бегали тут по лесу, он проскочил с другой стороны. Верно, знает тут пути-дорожки... Надо найти его. Быстро-быстро на коней! Догоним его у Компьена!

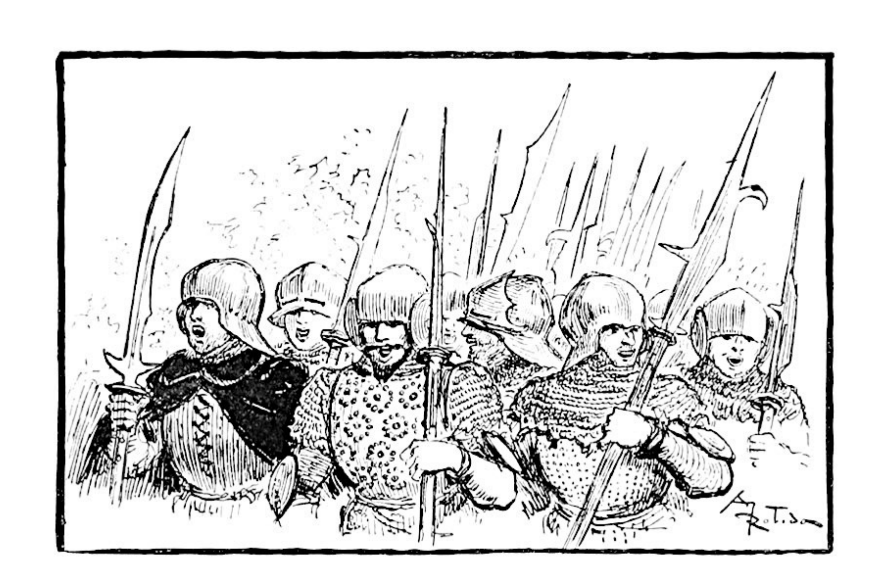

Как мэтр Бонварле встретился с Жанной д'Арк и Ла Гиром

С другой стороны густых лесов, которые, если можно так сказать, росли на голове Парижа до Нуайона пышной зелёной копной, днём того же дня, когда Жан после встречи с разбойниками в пустом амбаре бежал спасать мэтра Бонварле, отряд блистательных солдат под голубым знаменем с золотыми лилиями двигался по дороге в Крепи-ан-Валуа. Пятьдесят всадников в тяжёлых доспехах ехали в саладах на головах, или приторочив их к седлам; их оруженосцы следовали рядом в кожаных доспехах с длинными копьями рыцарей; в авангарде и арьергарде шло по две с половиной сотни пехотинцев, пятьдесят лучников, и столько же

арбалетчиков с большими щитами за спиной, с полными колчанами коротких стрел и болтами; и около ста пятидесяти копьеносцев, вооружённых длинными пиками, гизармами, вужами, фальшардами с длинными лезвиями, острыми крюками и наконечниками, способными как рубить, так и колоть, стаскивать латников с коней и калечить лошадей, подрезая им жилы на ногах.

Иные из солдат, назло усталости от долгого пути под дождём, хлещущем по лицам в шлемах, пели грустную песню, похожую на стон солдата, проклинавшего тяготы войны, в которой чуть веселее звучал припев, обещавший возвращение домой, какой и подхватывали все на марше, которыми исхожена была земля вдоль и поперёк с начала времён.

Путник, вышедший из-за деревьев в лесочке при виде французских знамён, встал у дороги и провожал их взглядом. Видно, он шёл издалека — на посох его налипло много грязи, и штаны тоже все были забрызганы ею. Когда рядом с ним остановился солдат, перевязать свою обувку, путник спросил его:

— Скажи, приятель, не мессир ли Ла Гир вас ведёт?

— Он, — ответил лучник. — Видишь того шевалье с красным плюмажем — это он. А рядом с ним мессир Потон де Сентрайль.

— Спасибо! Вот они-то мне и нужны.

— Рады помочь, — ответил второй солдат, чей салад висел на поясе, а голова его была замотана тряпкой, пропитанной кровью. — Только кажется, он сегодня не в духе.

— Совсем наоборот, — сказал третий, — у него отличное настроение, потому как вчера мы здорово врезали англичанам у Лагни!

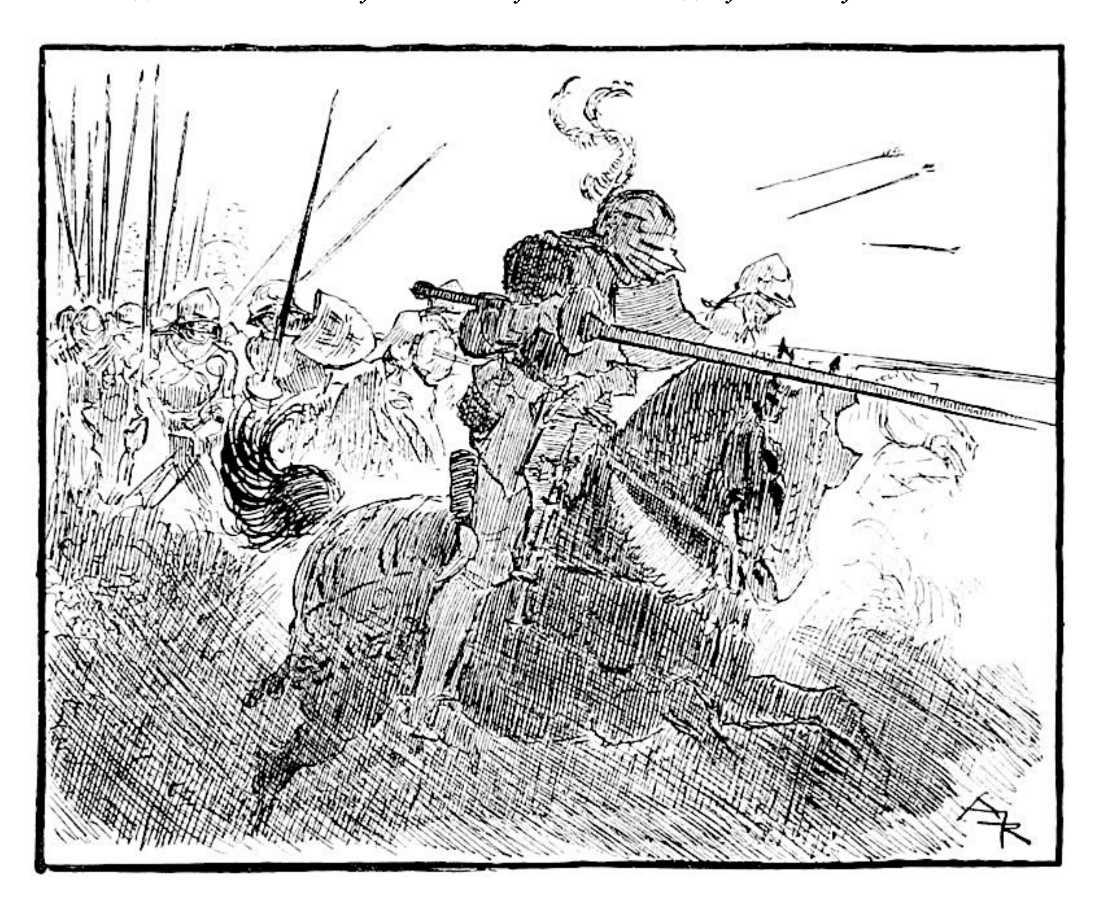
— А я говорю — скверное! Потому что сорок англичан удрали, а должны были остаться мёртвыми на месте.

— Скоро это я узнаю сам, — сказал путник, двинувшись навстречу усталым всадникам на спотыкающихся лошадях.

Ла Гир, самый замечательный из капитанов Карла VII, кто в гневе праведном крушил англичан повсеместно, был сильным мужчиной сорока

пяти лет с волевыми чертами лица и пронизывающим насквозь взглядом под густыми жёсткими бровями, в чёрных зрачках его, казалось, пылали красные искры, за что и получил он своё прозвище Ла Гир – Гнев. Несмотря на сведённые к переносице брови, непохоже было, что он гневен нынче, он даже улыбнулся чему-то сказанному только что месье Потоном де Сентрайлем. Тот тоже не выглядел зло – чуть моложе Ла Гира, высок и крепок, с могучими кулаками, сей рыцарь высился в седле в поржавелых доспехах, покрытых красным в дырах сюрко.

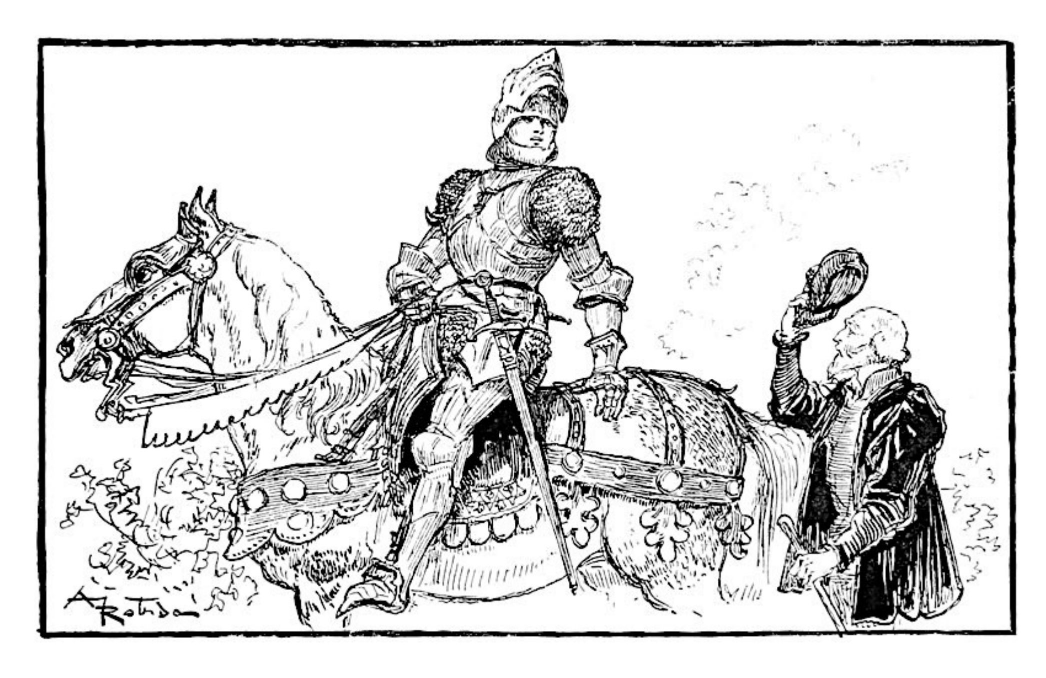
Ла Гир и Потон де Сентрайль носились по землям Нормандии, Бретани и Пикардии воюя с англичанами, нападая на замки там и тогда, когда их не ждали, или громили разрозненные отряды бригандов. Они

были верными товарищами Жанны д'Арк в прошлом победоносном году, склонившись перед её доблестью и отвагой, и тем её военным чутьём, которое безошибочно вело восемнадцатилетнюю пастушку, и тех, кто следовал за ней.

Путник подождал, когда пройдёт отряд пехоты, а затем встал с поклоном перед Ла Гиром, который удивлённо взглянул на него.

— Что тебе надо? — спросил он сурово, но тут же сменил тон, узнав путника. — Ба! Мэтр Бонварле из Компьена, вас не узнать!

Мэтр Бонварле разогнулся.

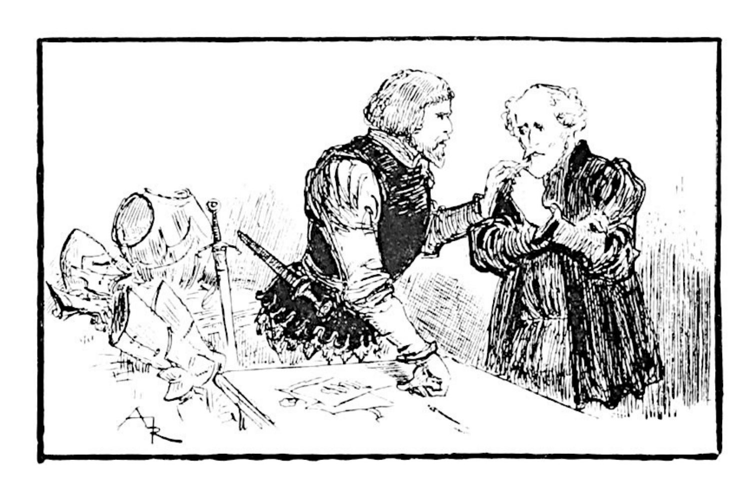
— Да, мессир, это я, — отвечал он, — и рад нашей встрече. Поздравляю вас со вчерашней победой.

— Мсье Потон только что показал мне, какие были глаза англичан, когда они возвращались с грабежа, да мы вдруг на них нагрянули. Я уже устал смеяться, вспоминая...

Мессир Ла Гир явно был в прекрасном расположении духа — губы его растянулись в широкой улыбке.

— Но, продолжил он, — что вас заставило выйти в дорогу, мастер Бонварле? В прошлое наше свидание в вашем доме возле башни Борегарда две недели тому назад, когда мы с Жанной прибыли в Компьен, вы, похоже, никуда не торопились. Как же вы покинули свою милую дочку одну в осаждённом городе?

— Мессир, — отвечал Бонварле очень тихо, — пока вы искали с кем скрестить копья, мсье де Флави послал меня в Орлеан с письмом и небольшим поручением. Я не солдат, и маленький робкий человек, от меня нет прока на войне, и меня невозможно представить в бою. Но именно потому и послал меня мессир де Флави, хотя я отнекивался, как мог... Он сказал, что всецело доверяет мне, тем более что за меня поручился аббат Сен-Корнель, и предупредил обо всех опасностях, которые меня могут подстерегать в пути.

— Да, уж, опасностей тут хватает... — рассмеялся Ла Гир.

— Вы вот смеётесь, а я натерпелся страху в дороге, но к счастью, теперь исполнил поручение, и, наконец, возвращаюсь домой.

– Так вам удалось раздобыть денег? – спросил Ла Гир.

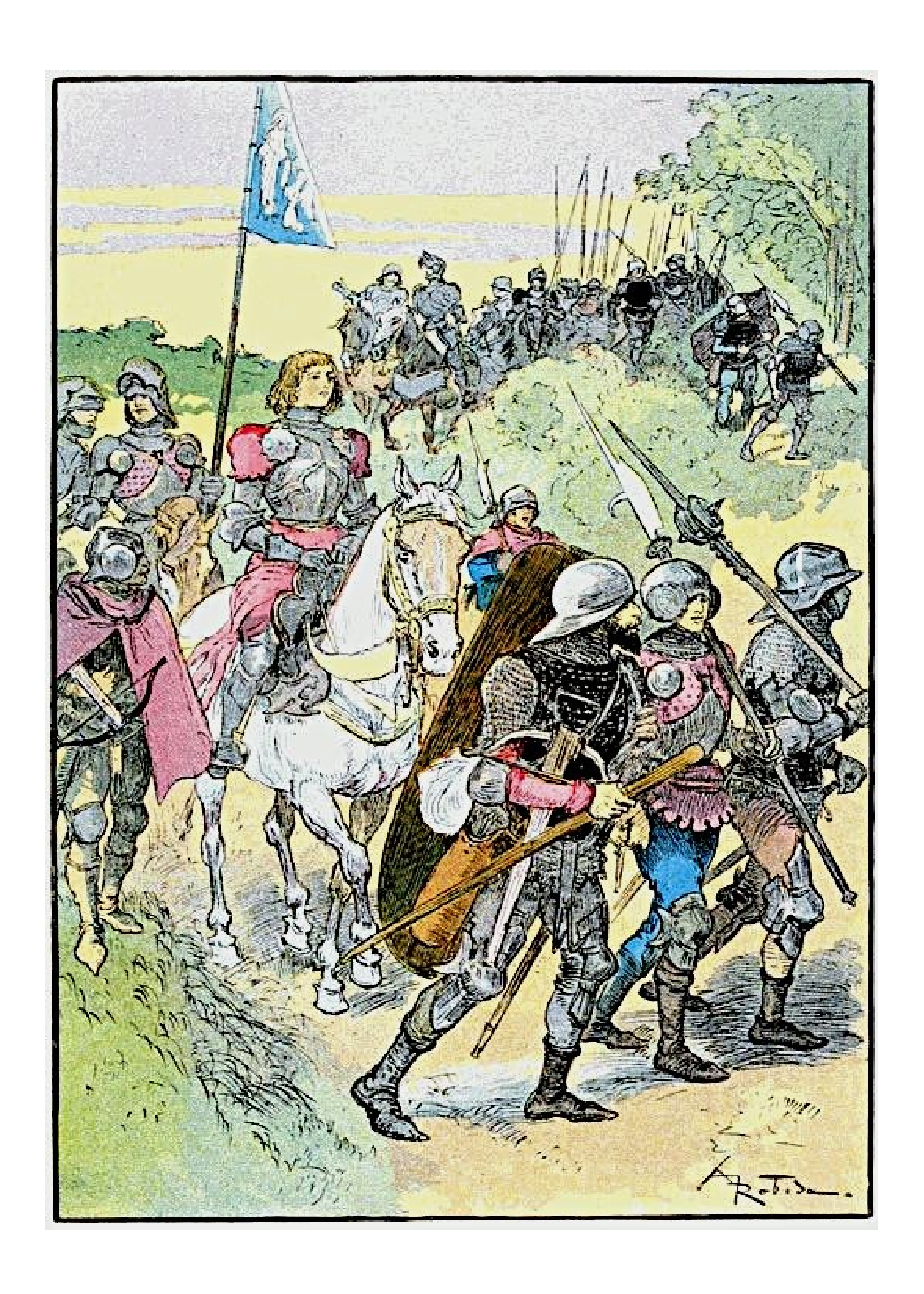
– Да, – шёпотом отвечал Бонварле. – Мой дублет набит золотыми монетами. Это хорошая броня, но слаба от разбойников-бургундцев с англичанами. Я иду в Санлис, где моя броня станет полегче. Помня об опасностях, я иду туда окольными тропами, и сегодня должен прибыть, а завтра отправлюсь в Компьен.

– Удачи, мэтр Бонварле! – пробасил Потон де Сентрайль. – В вашем слабом теле сердце храбреца, дорогой вы мой человек!

– И я вам желаю успеха! – сказал Ла Гир. – Передайте Флави, пусть хорошенько присматривает за Компьеном – через пару дней мы будем с ним. И Жанна, наша святыня, с нами! Вон она со своим братом и его оруженосцем, взгляните на неё, Бонварле. Она, как настоящий рыцарь, у которого вместо сердца огонь, когда показывается враг, и у неё сила рубаки-солдата, который знает только дорогу вперёд сквозь вражеский строй.

Подскакал небольшой отряд всадников на усталых лошадях. Жанну легко было узнать по слишком короткой стрижке для женщины, и слишком длинной для мужчины, по широкому долгополому плащу поверх доспеха. Бацинет её болтался вниз навершьем на луке высокого седла возле шеи боевого коня. Сама она казалась невысокой и хрупкой, но всё в ней дышало мужеством и отвагой. Эта разительность в ней, бросавшаяся в глаза, подкупала грубых и неотёсанных солдат, привычных к лишениям войны, жесточайшим схваткам, и потому её открытый взгляд, простая речь, и решительность, не терпящая неудач, её неустрашимость устремляться в самую гущу боя, презирая стрелы, ядра и мечи, влекли их за ней.

Рядом с ней был её брат – Пьер д'Арк, справный солдат, и оруженосец Жан д'Олон, который нёс её знамя с лилиями и со святыми.

A. Robida.

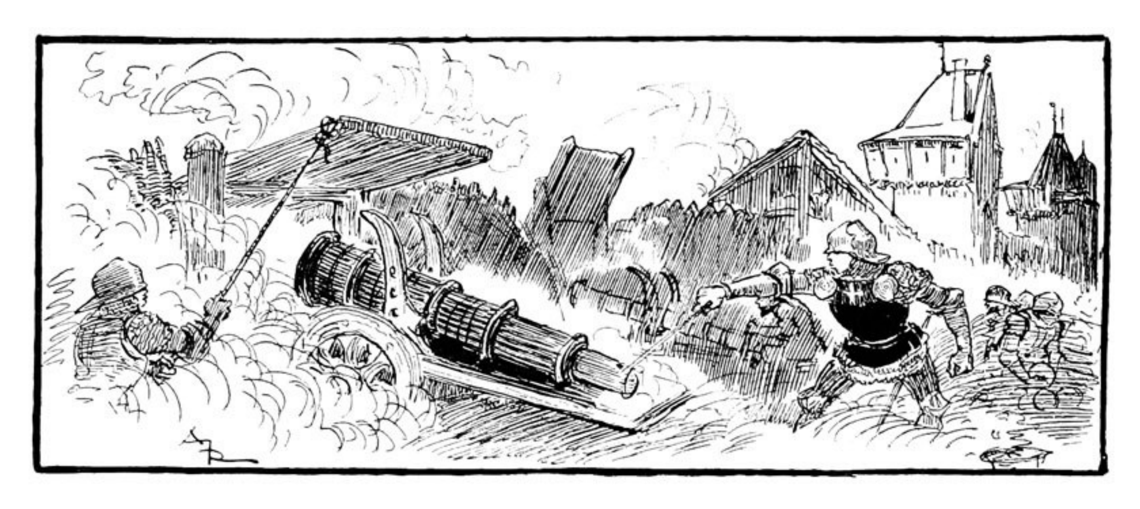
— Мессир Ла Гир, что за остановка?

— Вести из Компьена, — отвечал Жанне Ла Гир. — Флави нас ждёт, храбрость и верность его всем известны; гарнизон и горожане держатся, но бойцов маловато.

— Верно, — подтвердил Бонварле, — но беспокоиться не о чем, мессир, если вы с доблестной Жанной и месье Потоном де Сентрайлем поможете городу.

— Слишком много врагов под стенами города, — покачал головой Потон де Сентрайль, — бургундцы приспели на помощь англичанам, а нас слишком мало, чтобы ударить по графу Арунделу с герцогом бургундским. Надо подождать в Крепи подмоги, и тогда идти на помощь к вам.

— Как! У нас пятьдесят всадников, триста добрых мечей, стрелки, кулеврины и опытные бомбардиры, доказавшие своё мастерство под Орлеаном.

— И господин Флави всех выведет за стены, — добавил Бонварле, поддерживая Жанну.

— Солдаты! Доблесть чья мечам их не позволила ржаветь на берегу другом Луары, — воскликнула Жанна, — и кто пришёл, чтоб с сердцем храбрым в Лагни вчера встретить англичан! Нам пророчили беду и пораженье, а враг бежал от нас, как в Божанси и при Пате...

— И нас достаточно, — закончил Ла Гир, перчаткой латной стукнув о железное колено, — чтобы помочь Компьену. В Крепи денёк отдохнём, и марш!

— Да будет так, — сказала Жанна. — Что бы ни случилось, послезавтра я приду в Компьен.

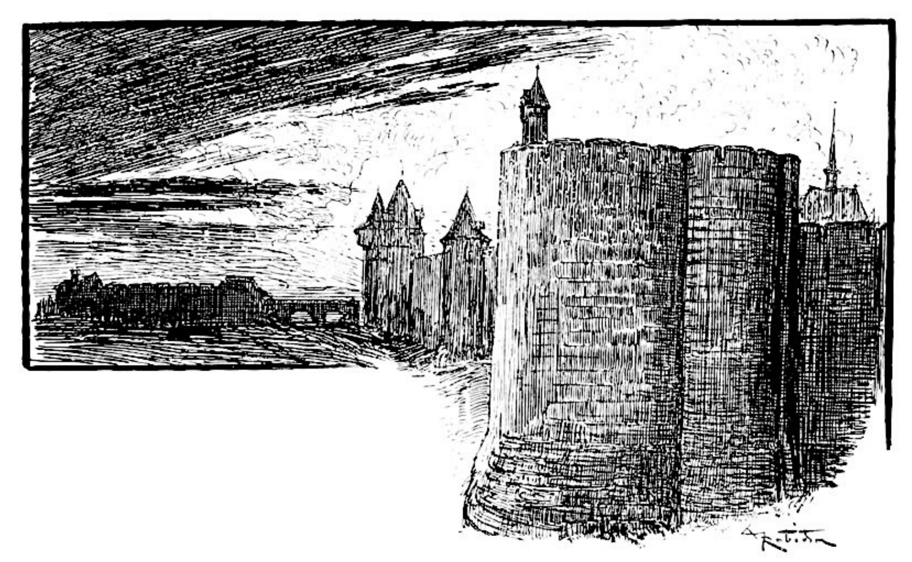
— Молитесь англичане! — добавил Ла Гир, и тихо примолвил, обращаясь к мэтру Бонварле: — Ступай, мастер, в Компьен, поторопись, и предупреди Флави, что послезавтра на рассвете в лесу мы будем ждать сигнала войти в город.

– Храни вас Господь! – поклонился Бонварле, сняв шапку.

Отряд продолжил свой путь, окружив Жанну рыцарями на лошадях с мечами наголо. Хмурый, сиротливый дождь скрадывал удаляющийся мотив солдатской песни, подхваченный несколькими голосами, чтоб развеять грусть и сырость.

Как Жан обошёл стражу, и проник в город

Дождь сменился тихой ночью. Когда рассеялись тучи, гонимые ветром, на чистом небе взошла луна, осветив крепостные стены Компьена, которые наступали на лес высокой воротной башней Пьерфона, словно самый сильный боец выступил перед стройной ратью. Это необыкновенно мощное укрепление называлось «Башней Богородицы» из-за статуи за трёхлистными защитными зубцами.

Лес, добравшийся до самых городских стен, тёмный и враждебный, казалось, навалился в ночном приступе на город неисчислимым войском.

То бы был вовсе не тот красивый лес, что ныне, который за три сотни лет пересекли без счёта дорожки, тропинки, и проезжие широкие дороги во всех направлениях. Лес Гизов, или Компьенский лес, был тогда дик и велик, и вели через него ветхие и скверные дороги древнеримских времён, известные как дороги Брунгильды в Санлис, Крепи и Пьерфон;

непроходимые заросли прорезывали глубокие ущелья и овраги, куда устремлялись потоки воды после таянья снегов; светлые леса окружали озёра величественными буками, могучими дубами, простиравшими вокруг свои длинные ветви, и скрывали под густою листвой капища друидов, медвежьи берлоги, волчьи норы, лежбища кабанов и оленьи угодья, где гордые и сильные самцы с огромными рогами охраняли свои тучные стада.

Но среди лесных дебрей попадались селения лесорубов, из коих вели тропы в какую забытую обитель, утонувшую в лесной глуши на краю узкой долины; лесные владения то здесь, то там охранялись егерями; но за шестьдесят военных разорительных для Валуа лет, кто мог знать, что скрывается в диком лесу? Где они, прежние сторожа леса? Монастыри, часовни, все разорены и покинуты, монахини Сен-Жан-о-Буа дрожали за стенами своей обители в ожидании поругания их разбойниками, или бежали в Компьен, под защиту городских стен.

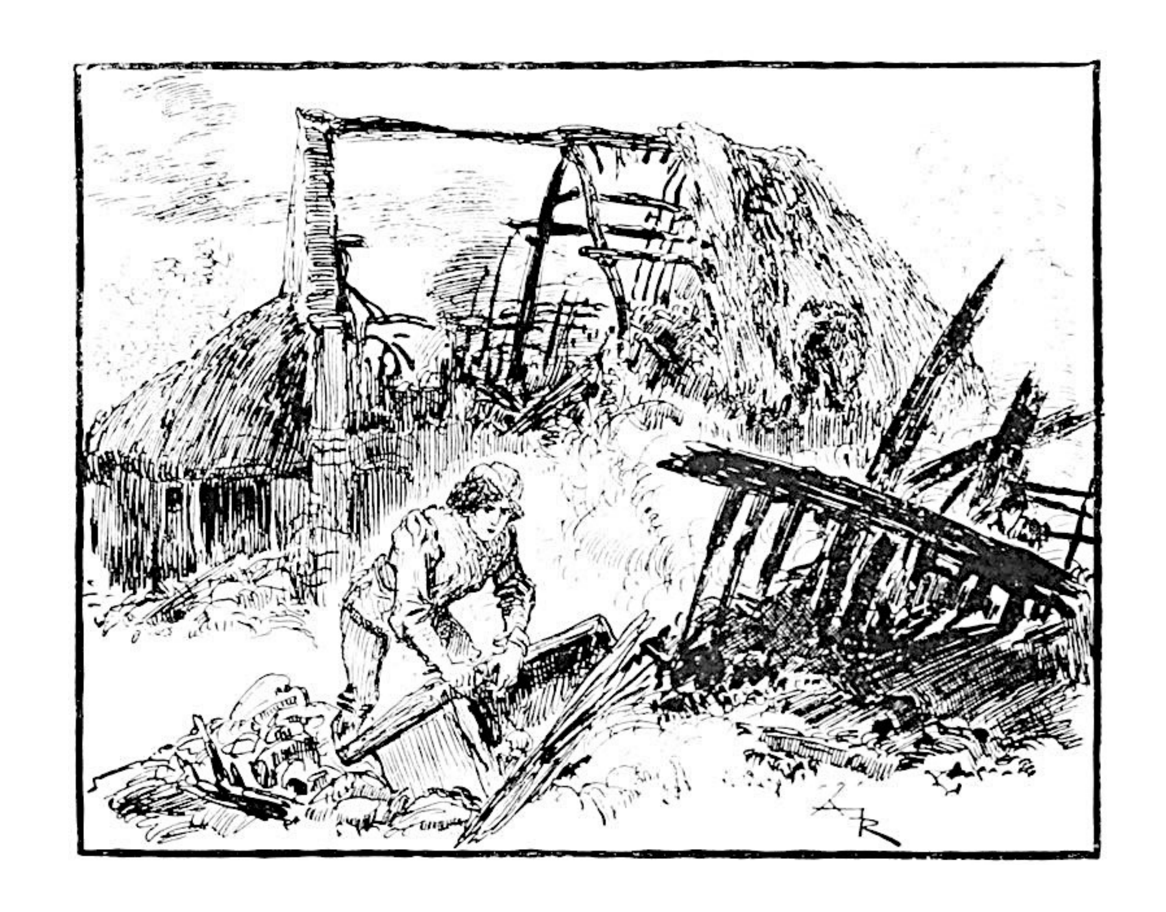
Правда, в течение первого месяца со дня начала осады Компьена, со стороны леса городу ничего не угрожало. Неприятель занял правый берег Уазы, а с другой стороны реки были лишь отдельные банды, которые боялись сунуться в лес. Город знатно оборонялся, но врагов прибывало с каждым днём — англичане с бургундцами понимали, что тут ключ ко всему

Иль-де-Франс, и желали заполучить Компьен любой ценой. Они захватили Нуайон и его окрестности, Шаузи, и теперь собирались всерьёз взяться за осаду Компьена. Горожане были полны решимости драться за свой город, и ожидали подхода отрядов Жанны д'Арк, Гиза и Сентрайля.

По самому краю леса, в потрепанной, грязной и окровавленной одежонке, шёл измождённый человек, в крайней усталости наклоняясь вперёд и опираясь на суковатую палку, а вернее дубину, с оголовком из железного молота. Конечно, это был Жан Забияка, достойный по всему его виду твоей жалости, читатель. Без отдыха с прошлой ночи, он брёл от Санлиса в Компьен, с надеждой перехватить и спасти Жако Бонварле от рук разбойников, и потому он торопил себя изо всех сил через ручьи и овраги, колючие кусты и поваленные деревья.

Усталость и голод заставили его обшарить крестьянский двор по пути, недавно сожжённый англичанами из Крейла, и найти кусок свиной грудинки в печной трубе, подвешенный на крюке. Эта удача помогла ему восстановить силы и ясность ума, которая напомнила ему о воспалённой ране, и нервном истощении из-за всего, что приключилось с ним за последние дни.

Но теперь всему конец! После всех тревог, он впал в полное отчаянье. Всё кончено! он не сумел спасти бедного Бонварле, без сомнения тот попал в засаду, и лежит теперь где-нибудь, убит в лесу врагами. Несколько раз ему казалось, что он видел его вдалеке, и бежал за ним по кочкам через лес. Но тот скрывался в чаще, или овраге, видя, что его преследуют, и удирал от него точно также, как Жан убегал от своих преследователей прежде.

Но если Бонварле погиб, он единственный остался, кто может спасти город. И так подумав, Жан вскочил, забыв о себе, и шёл, и шёл, пока не оказался пред городской стеной. Уже стемнело. Ворота были заперты до утра. Однако, в город войти нужно непременно, и предупредить губернатора. Не ждать же рассвета в каком разрушенном домишке у

городских стен. Ведь лазутчик мог уже проникнуть в город, используя письмо Бонварле!

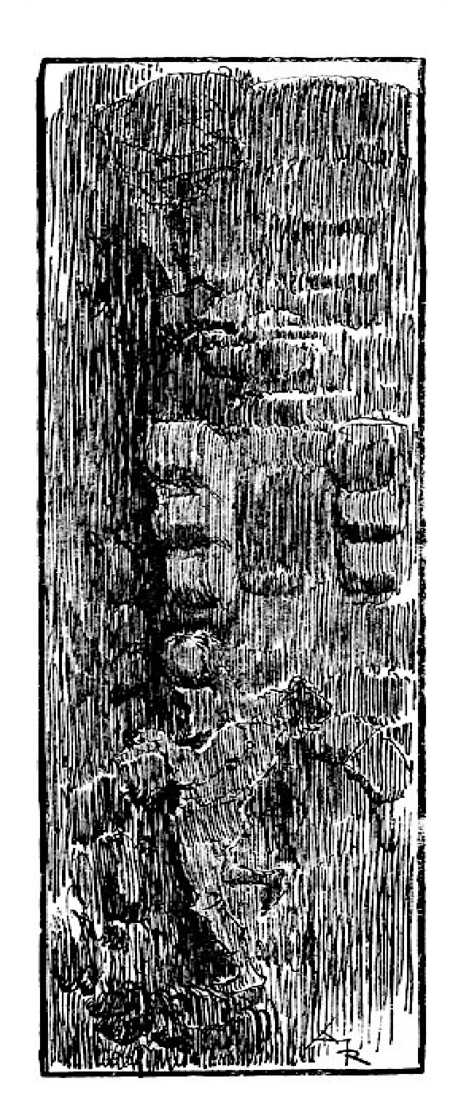
Жан направился к тёмным во мгле ночи вратам Пьерфона. На зубчатых его стенах часовые не спали, и как только Жан выступил из тени на лунный свет, возле его уха просвистел болт из арбалета. Жан шмыгнул назад в тень за укрытие, и попытался заговорить со стражей.

– Я горожанин! И я пришёл, чтобы драться с англичанами! У меня есть что сказать губернатору с глазу на глаз!

– Убирайся! – ответили ему. – Приходи утром! Если ты не врёшь, тебе будут рады. А если ты лазутчик, тебя сразу же повесят!

Жан услышал, как на помощь стражникам явилась подмога, и понял, что умолять бессмысленно. Что поделать, надо искать местечко для ночлега. Шагая в нерешительности вдоль рва на безопасном от стен расстоянии, он вдруг вспомнил угловую старую полуразрушенную башню с решётчатым входом, по которому можно было взобраться на стену.

Только бы всё осталось там, как прежде! Надо проверить. Жан без колебаний двинулся вперёд. И небо будто решило ему помочь – по небу ползли тучки. Когда они наползли на луну, и наступила тьма, Жан был уже на месте, он скользнул по траве в ров, и перебравшись через него, был рад отметить, что старую башню не охраняют.

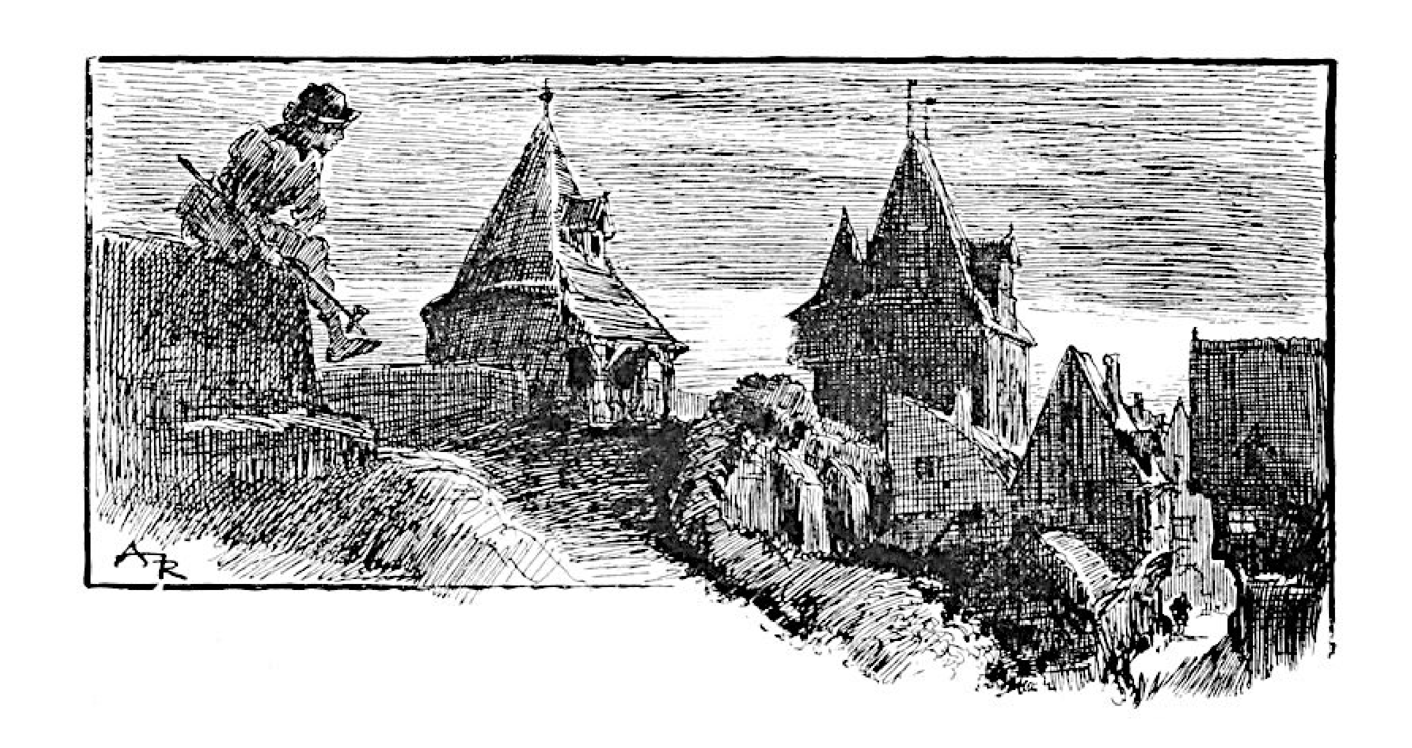
Жан знал все выступы каменной стены в этом месте. Добравшись до первого уступа, он с предосторожностью, чтобы не всполошить стражу, стал взбираться по стене, проклиная раненое плечо, которое заставляло его жестоко страдать от боли при каждом движении.

Взглянув на верх сквозь ночную тьму, он едва не закричал от неожиданности, и чуть не разжал руки, чудом не свалившись. Над ним был человек! Уже на стене!

Предатель?! В ярости Жан забыл о своём плече и осторожности, с уступа на уступ он изо всех сил устремился наверх, и скоро достиг своей цели. Он стоял на парапете и смотрел на пологий склон крепостного вала, заросший фруктовыми деревьями, и на тропинку под ними. За садом были дома, но ни одно окошко не светилось. И луна ещё не вышла из-за туч.

Где же тот человек, что взобрался перед ним на стену? Впереди, показалось, мелькнула тень, и тут же исчезла.

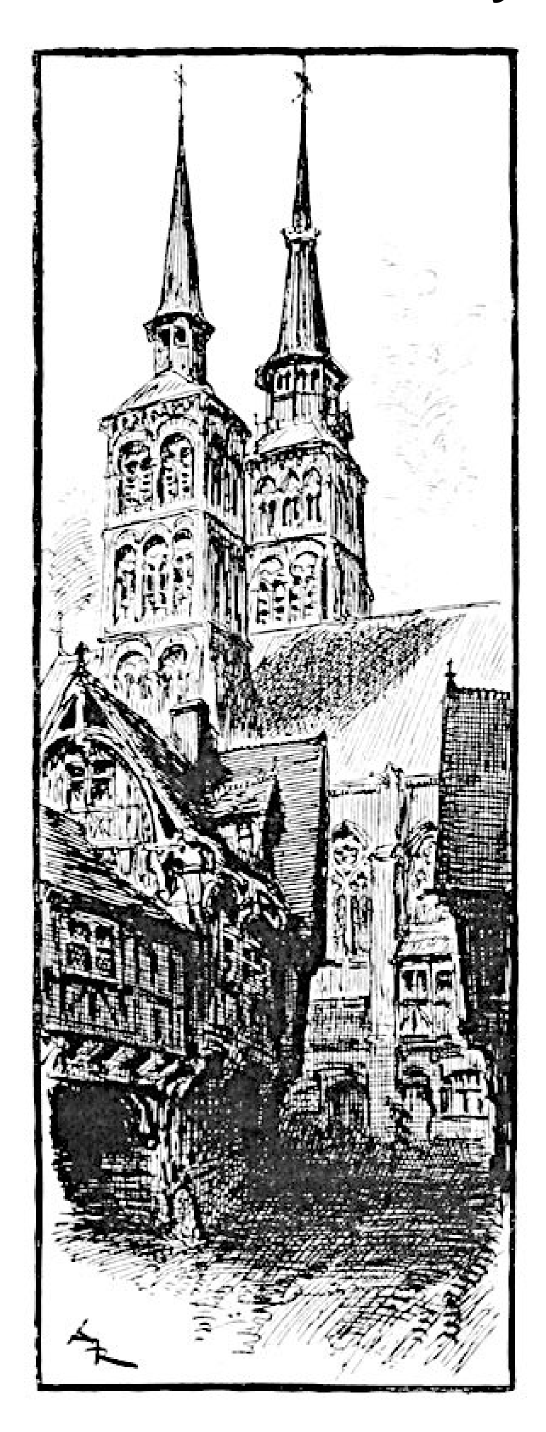
– Ну погоди, мерзавец! От меня не уйдёшь! – крикнул Жан.

Камнерез бросился за тенью, но на распутье смутился – тропа расходилась в разные стороны – вниз к центру города, и вверх вдоль вала в сторону монастыря. Куда бежать? Везде темно и тихо. Жан кинулся в одну сторону, но всмотревшись в темноту, скоро вернулся на развилку. С другой стороны, ему скорее почудился звук удаляющихся шагов, чем он его услышал, и Жан побежал на него по тропе, которая вела к центру города, а именно в ту сторону, которую он хорошо знал – к аббатству Сень-Корнель.

Голова Жана пылала, сердце выскакивало из груди, когда он выбежал на площадь перед аббатством – человек скрылся в доме, который Жан знал слишком хорошо – он скрылся в доме ростовщика Тибо Рунжмайла! Жан остолбенел, протёр глаза, но дом перед ним не развеялся. Он видел, как открылась со скрипом дверь в него, и слышал, как закрылась. Больше того, под створкой двери затеплился свет. Вошедший был там.

– Я не слепец, чтобы не верить своим глазам! – подумал Жан. – Когда кого и подозревать в предательстве, так это Рунжмайла! И меня это нисколько не удивляет. И теперь я понимаю, о ком говорил главарь шайки разбойников в сарае! Конечно, это ростовщик!

Подчиняясь безотчетному чувству, Жан отступил в тень портала Сен-Корнель. Он поднялся по крыльцу на несколько ступенек, и встал в нише, откуда мог наблюдать за дверью в дом Рунжмайла, не боясь быть замеченным.

– После моего вчерашнего ночного гнезда, после холодной жабьей кожи, это крылечко вполне походит на приёмную дворца. Переночую здесь. А завтра я всё выясню, и расскажу губернатору о его предательстве! Ах, ты, негодяй! Мессир Флави будет рад прогнать его в пекло!

Растянувшись на каменной ступени, Жан вперился в дверь дома Рунжмайла, но усталость взяла своё, и он утонул во тревожном сне, который больше походил на потерю сознания.

В доме Тибо Рунжмайла

Жан не ошибся – человек, за которым он гнался по улицам ночного Компьена, скрылся за дверью в доме Рунжмайла, но, как мы скоро убедимся, он не был предателем.

Случилось то около одиннадцати часов вечера, во время комендантского часа, начинавшегося с наступлением темноты. Тибо Рунжмайл, однако, спать ещё не ложился, и ходил взад-вперёд по комнате со свечой перед окном, наглухо закрытом ставнями, как вдруг стук в дверь внизу заставил его вздрогнуть. Он тотчас спустился по лестнице, и поглядел в окно входной двери; человек перед ней не скрывал своего лица в лунном свете, и ростовщик его узнал.

– Как! – вскричал Рунжмайл, и поскорее открыл дверь. – Мастер Бонварле, прошу-прошу, входите!

Да – это был мастер Бонварле, и на лице его были те же следы усталости, что и у Жана, и одежда не чище, чем у его ученика. Он последовал за Рунжмайлом, и упал на предложенный ему стул.

– Я, – выдохнул Бонварле, – я уже думал, что никогда не доберусь до Компьена, и никогда больше не увижу мою бедную Джульетту!

– Я ждал вас весь день до самого вечера в караульне у ворот Пьерфон. Но как вы оказались в городе? Губернатор знает, что вы здесь?

– Я прошел мимо ворот... За мной охотились в лесу, за каждым кустом поджидали бандиты до самого города. Они шли за мной по пятам, и чуть не поймали. На дороге они устроили засаду, чтобы я не попал в Компьен.

– Как же вам удалось спастись?

– Я вспомнил одно место в старой стене, где можно было на неё взобраться, возле угловой башни, об этом надо знать губернатору. Мне рассказал о нём юноша, который не очень привык ходить через двери – мой ученик Жан...

Мэтр Бонварле тут же пожалел о сказанном, вспомнив о ссоре Рунжмайла с его учеником.

– Да-да, – нахмурился ростовщик, – я помню его...

– Я думал раз двадцать, что свалюсь со стены в ров. И на стене, мэтр Рунжмайл, очень пожалел, что у меня нет дубины, дать моему преследователю по голове, он всю дорогу гнался за мной. Но вот я здесь...

– Вы всё сделали, как надо? – спросил ростовщик.

– Слава Богу! При мне и письма, и деньги, заплатить солдатам. Берите плащ с фонарём, и пойдем к губернатору скорей. Я не могу ждать, и хочу поскорей увидеться с моей маленькой Джульеттой, которая льёт, верно, по мне слёзы... Поторопитесь, мэтр Рунжмайл...

— Минутку... Где деньги для губернатора?

— Вот — потрогайте мой плащ... он набит золотом. Я золотой человек. Я весь из золота — и пояс, и куртка, всюду золото. Но есть ещё лучшие новости, я встретил месье Ла Гира, и Жанну, и месье Потона — они этой ночью придут в лес, чтобы на рассвете войти в город. Надо спешить.

— Так, где золото? — снова спросил Рунжмайл.

— Я же сказал...

— Значит, никто тебя не видел у ворот Пьерфон?

— Я говорил уже — я не мог пройти через ворота, за мной гнались...

— И, стало быть, никто не знает, — будто сам с собою говорил ростовщик, — что ты в Компьене...

— Никто.

— Сиди-сиди... ты устал.

– Да некогда мне сидеть, надо к губернатору, и потом домой – к моей девочке...

– Сиди, я говорю! – крикнул Рунжмайл, хватая старика Бонварле за плечи, и ощупывая его плащ. – Золото! Вот оно, я чувствую его! И никто тебя не видел!

Глаза ростовщика заблестели звериным огнём, руки навалились на Бонварле, и сдавили его.

– Надо идти к губернатору! Если вы не можете, отпустите меня, и я пойду один! – в отчаянье зашептал растерянный Бонварле.

– Нет! Никогда! Отдать золото? Чушь! Ха-ха! Бандитам оно не досталось, оно пришло само ко мне! Надо только выпотрошить его из тебя острым кинжалом... Стой, куда ты! – взревел Рунжмайл.

Его руки потянулись к шее Бонварле, зодчий упал на стол, опрокинул его вместе со свечой, свет погас... Рунжмайл выхватил кинжал, взмахнул им, и вонзил в грудь несчастного Бонварле, который издал слабый крик, потому что пальцы ростовщика сжали тисками его горло. При лунном свете убийца, стоя на коленях над стонущей жертвой, лежащей на полу, срывал с неё одежду.

Как Жана решили повесить

Жан Забияка слишком долго спал, слишком долго. Желая не сомкнуть глаз всю ночь, и бодрствовать до утра, он не справился с усталостью, и провалился в тяжёлый и ужасный сон, полный бредовых кошмаров, в которых он кричал во весь голос, сыпал угрозами, размахивал руками и ногами, и колотил со всей силы не видимых никому, кроме него, врагов.

Яркое утро осветило солнечным светом крыши домов, и люди, проснувшись, захлопали окнами и дверьми, и с радостными криками высыпали на улицы, радуясь, как дети! Жан, всё ещё во сне, потянулся

всем избитым и онемевшим телом с израненными конечностями. Вокруг него сновали люди, и кричали: «Ура! Ура!» Радостные крики перелетали через крыши с улицы на улицу, собираясь перед порталом Сен-Корнель на площади, звонко звенели по мостовой подковы лошадей под крики — Ура! Весёлое, праздничное и радостное — Ура!

Жан проснулся совсем, но не мог ещё встать.

— Это Жанна! Мессир Ла Гир! Потон Сентрайль! Ура! Ура прекрасным господам! Ура солдатам! Это только авангард! Мы освободим город! Где Флави? Бей англичан!

Крики перелетали из уст в уста над головами, словно птицы.

Жан приподнялся, но вновь упал, рана на плече открылась и кровоточила, и он никак не мог понять, то ли он в бреду, то ли наяву пред ним всё это. Кто? Жанна? Ла Гир? Вылазка? Враг в городе? Предательство! Жан протянул вверх руку, словно пытаясь дотянуться людей.

И тут с ужасом увидел рядом с собой мёртвого человека в луже крови, лежащего лицом вниз.

Жан не то закричал, не то захрипел. Его услышали, повернули к нему головы, и на лицах людей выразился ужас, крики смолкли, и раздался громкий общий вздох.

Два человека лежали у ног святых фигур портала – окровавленный мертвец, и наполовину живой, запачканный кровью, рядом с ним. Он дрожал, и не мог произнести ни слова от ужаса. Люди остановились, и смотрели перед собой на мёртвого человека на краю площади. С другой стороны улицы чествовали солдат и лучников, угощали их едой и вином; у портала началась настоящая давка из-за того, что многие горожане остановились, обнаружив мертвеца. Что человек был мёртв, сомнений не было ни у кого.

– Это... это же мэтр Бонварле! Наш гонец, его с вестями ждёт губернатор!

Имя зодчего пронеслось над головами в толпе, солдаты стали звать губернатора Флави и стражу.

Жан, услышав имя учителя, посмотрел на седую его голову, и подумал, что он бредит. Он не смог спасти беднягу Бонварле! Не сумел остановить предателя! И тут над ним склонились в криках страшные люди, схватили и подняли, и били жестоко, и снова он упал, ими брошенный на мёртвого Бонварле. Люди кричали, что он убийца старого зодчего. Что надо его немедленно повесить тут же на месте! Смотрите, он сошёл с ума от своего злодейства! Зачем ждать губернатора? И так всё ясно! Сами разберёмся! Губернатор спасёт город с Жанной от англичан! Незачем ему мараться с этим подлым убийцей! У кого есть добрая веревка?!

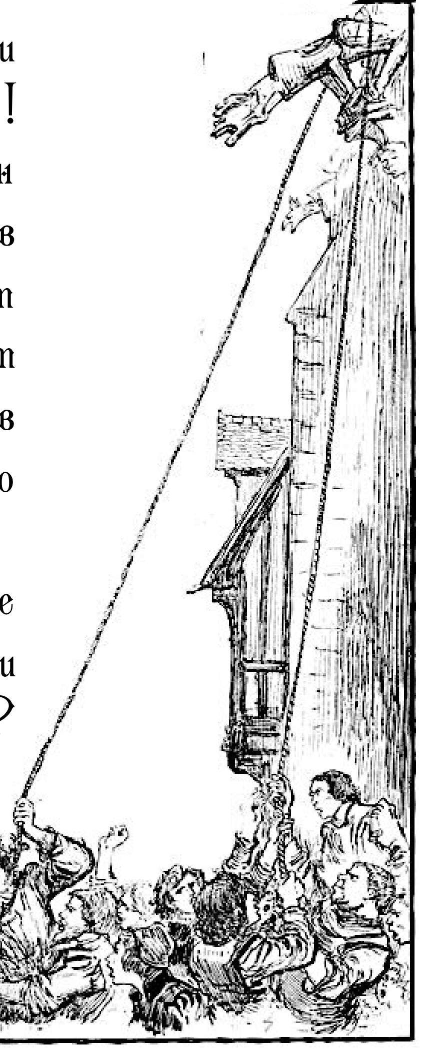
Все требовали его повешения в один голос на площади, и из всех окон люди требовали того же. А громче всех кричал ростовщик Рунжмайл с порога своего дома, зевая во весь рот, будто бы он только что проснулся.

Верёвка? О! У мэтра Тибо Рунжмайла есть очень крепкая верёвка! И палач не нужен, чтобы повесить убийцу гонца немедля.

Жан сидел на земле, и ему не давали упасть тычки, толчки и удары, сыплющиеся на него со всех сторон. Напрочь сбитый с толку, он не верил в происходящее вокруг. Это кошмар! Все эти люди тут – мерзкие бандиты-англичане! Как они оказались в Компьене? Он не знал. Может, он не в городе, а в лесу? Вот и мэтр Бонварле лежит мёртвый, почему-то на камнях. А вот среди толпы разъярённых людей, в первом ряду, ростовщик Рунжмайл со звериным оскалом на роже.

Как! его обвиняют в убийстве мэтра Бонварле? Прочь! Как они смеют накидывать ему петлю на шею?

Куда они его тащат? Зачем верёвка? Веревка переброшена через его каменную горгулью. Ему ничего не остаётся, но лишь скоро повиснуть за шею, как убийце Бонварле.

Ну, нет! Жан собрал все свои силы, чтобы стряхнуть сон, и закричал во весь голос в ярости.

– Я убил моего друга Жако Бонварле? Я бежал два дня и две ночи, чтобы спасти его! Меня чуть не убили бандиты! Они гнались за ним! Я хочу видеть губернатора! Рассказать всё ему!

В Компьене предатель! Он предаст город англичанам! Мессир Флави! Я видел предателя в этом доме ночью...

Рунжмайл дёрнул за верёвку. Откуда взялись у Жана силы, чтобы вырвать свои руки из сотен державших его рук, и вытаращив глаза, и протянув руки к порталу, взмолиться:

– Пресвятая Богородица! И все Святые у врат! Зову вас в свидетели мне! Вы видели убийство, вы видели убийцу! Не будь каменной, Дева Мария! Скажи, я заклинаю тебя! Скажи, что я невиновен! Драконы! Бесы! Я вырезал вас из камня! Скажите за меня!

Увы! Гнев толпы обрекал Жана гибели. Его потащили за верёвку, сдавив горло и заставив замолчать.

– Убийца! – захрипел Жан. – Предатель! Город... англичанам... он там, в том доме... Нет, вот он... я вижу его...

Женский крик ответил ему в толпе. Юная дочь в слезах упавшая на тело мёртвого своего отца, подняла голову, и увидела Жана над яростной толпой.

Увидев верёвку на его шее, она с ужасом поняла, что сейчас сотворится очень страшное и несправедливое с несчастным Жаном.

– Оставьте его! Это не он! Он не виноват! О! Жан! Он никогда бы не посмел этого сделать! Никогда! Отпустите его, заклинаю вас Небесами! Именем отца моего! Он невиновен, я клянусь вам!

– Джульетта! Ты мне веришь! – прошептал Жан. – Спасибо!

– И я! – взрыдала Мартинотта, всплеснув руками над телом Бонварле, стоя на коленях. – Я тоже клянусь, что этот мальчик ни в чём не виноват! Освободите его сейчас же, придурки, или я вам все глаза выцарапаю!

– Зачем мне надо было его убивать? Ну, зачем? – спрашивал Жан у толпы, воспользовавшись её замешательством.

– Золото! Чтобы украсть у него золото! – крикнул Рунжмайл, вытаращив глаза. – Вешайте этого нищего!

И в этот момент раздался гром. Англичане с противного берега Уазы начали обстреливать город. Что-то огромное пронеслось над головами с пронзительным свистом, и грохнуло прямо над ними, посыпались каменные осколки и пыль, раздались крики ужаса.

Каменное ядро разбило вдребезги именно ту горгулью Сен-Корнель, чья голова была так похожа на Рунжмайла, и через шею которой была перекинута верёвка для повешения Жана Забияки.

Жан, наполовину повешенный, упал на землю. Кто тянул его за верёвку, бросили её, и пустились наутёк, спасаясь от камнепада.

Жан закричал от радости.

– Ну держись, убийца, предатель! Разве я не говорил, что не виновен! Вот – английская бомба показала, кто убийца! За мной, люди, хватайте негодяя!

И схватив верёвку, чья петля всё ещё была на его шее, расталкивая солдат и горожан, Жан вцепился в горло струсившего Рунжмайла.

– Вот он убийца! Верьте мне, люди! Это он! Он! Я всё понял, понял... Тот, кто был передо мной на стене, это был мэтр Бонварле. За ним я бежал, и его я ждал у портала. А этот, Рунжмайл, убил его! Предатель! О нём рассказывал главарь разбойников. Это он должен всех нас предать англичанам, и город! Дрожишь, Рунжмайл? Убийца! Ах, ты! Держите его! Хватайте...

Ростовщик и Жан покатились по земле рыча, один от страха, другой от ярости и боли, которую причинила ему рана в плече. Более того, верёвка вокруг шеи всё ещё душила Жана, а ростовщик пытался воткнуть ему в грудь кинжал, которым он убил Бонварле. Страх Рунжмайла оказался сильнее измученного камнереза, он вырвался из его рук, и

опрокинув двух горожан, бросился прочь. Дверь его дома была распахнута настежь, и он скрылся в нём, захлопнув за собой дверь, и заперев её на засов.

Никто не сомневался уже в его вине, даже самые ярые противники Жана, теперь обратили всю свою ярость и злость против Рунжмайла.

– Убийца! Не жди от нас пощады! Душегуб! Что мы наделали? Бедняга Жан! А я всегда говорил, что надо голову оторвать Рунжмайлу! Ломаем дверь! Отнесём его башку Флави!

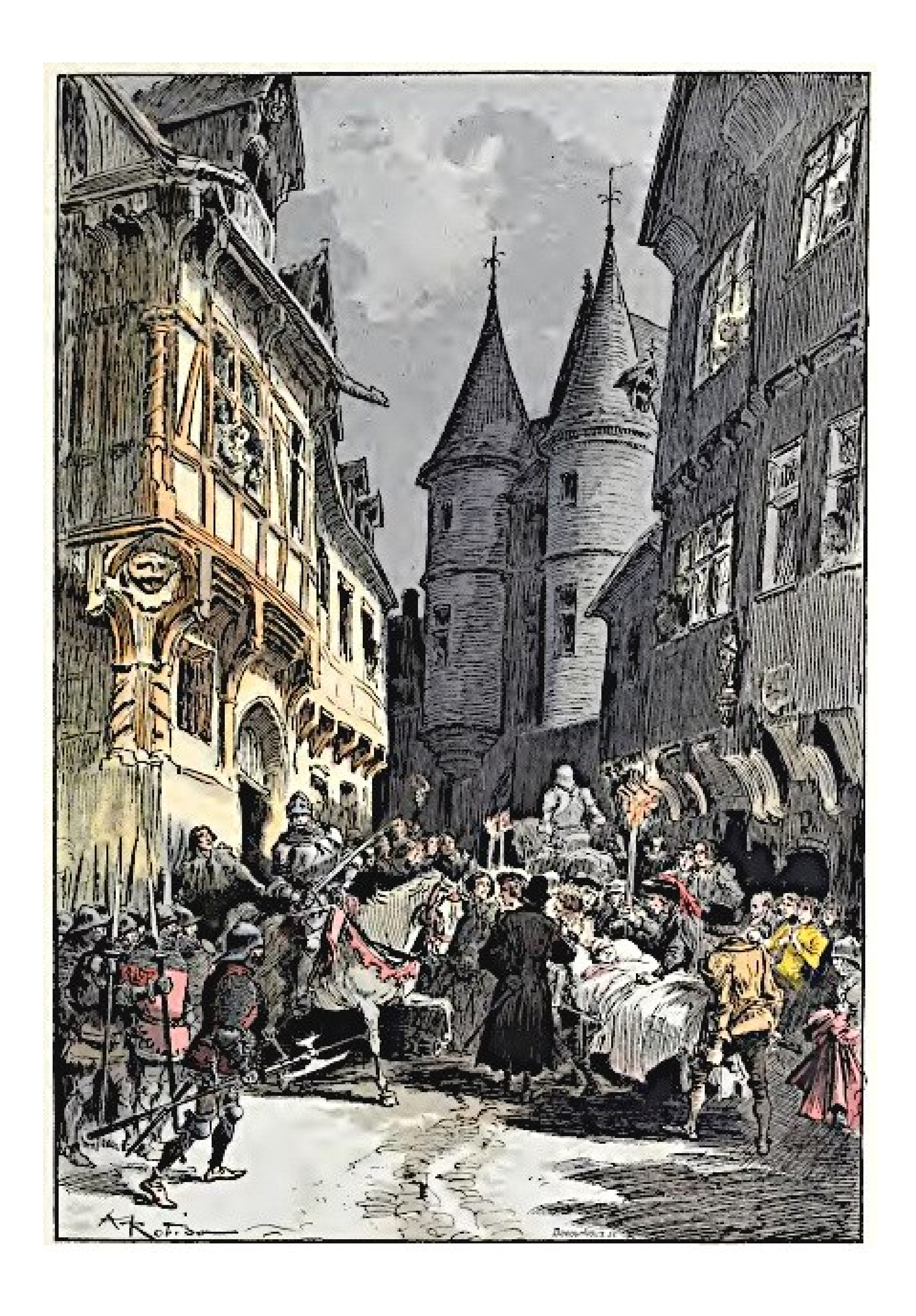
Толпа бросилась за Жаном к дому Рунжмайла, и начала выламывать дверь. Дверь была крепкой, и с ней пришлось бы повозиться, если бы не пришли на подмогу кузнецы с ломами и топорами. Навалившись дружно, её снесли на вздох, и разом все ввалились в дом. В доме было не протолкнуться. Обыскав все комнаты сверху до низу, никого не нашли. Рунжмайл как в воду канул. Повсюду были разбросаны золотые монеты на свежевымытом полу. На чердаке ростовщика тоже не нашли. Куда же он мог подеваться? Или сбежал через какой тайный ход, или спрятался в какой дыре? Простучали все стены, заглянули в колодец, в подвал, который мог быть соединён, как водится в старых домах, с подвалами соседей, или даже аббатства. Никого и ничего! Словно, бес его с собою забрал в ад.

Пока Жан с дюжиной молодцев ломал дверь в дом Рунжмайла, и потом зазря обыскивал его, тело бедного

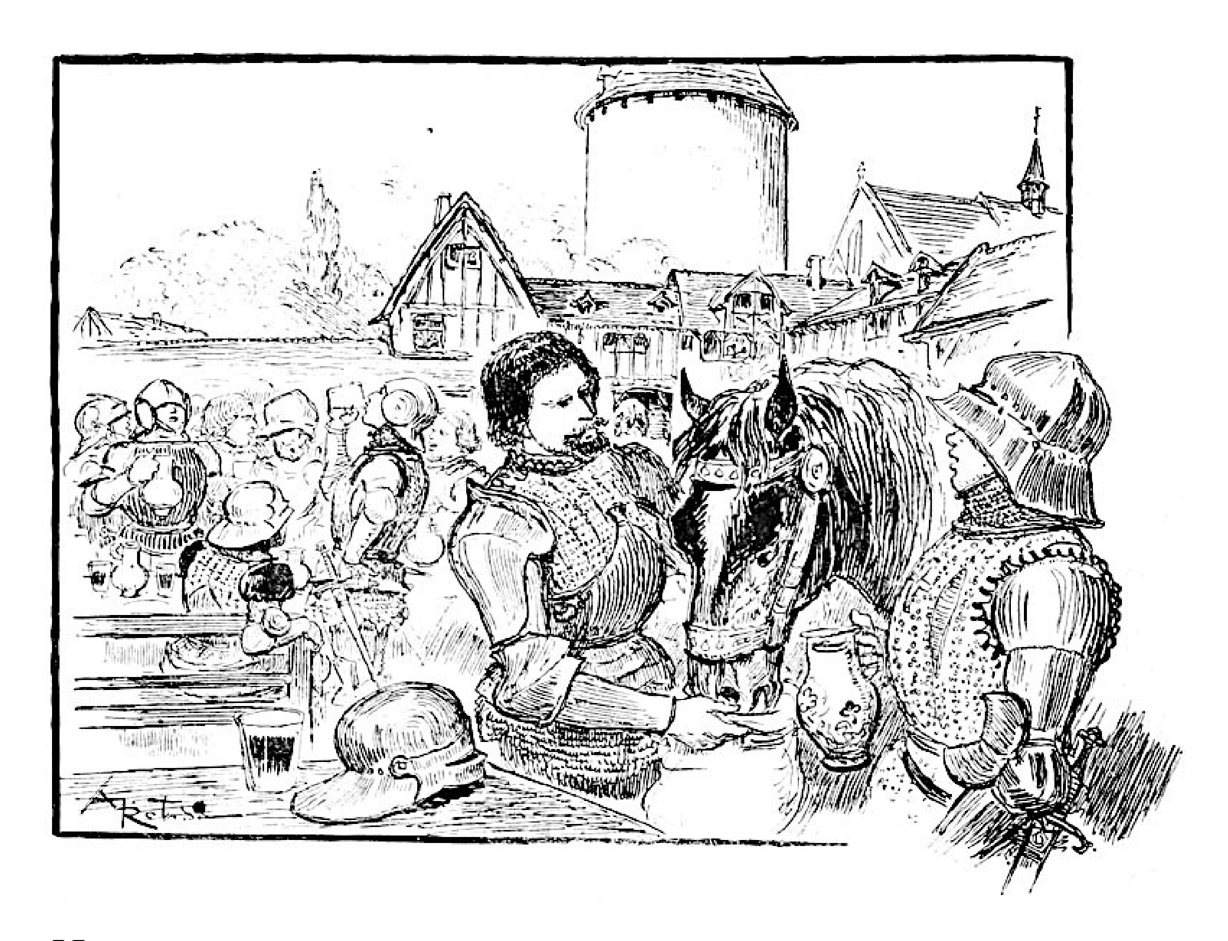

Бонварле отнесли в его дом возле башни Борегарда, куда последовали лишь близкие друзья мастера, чтобы утешить Джульетту, совершенно лишившуюся сил, и дородную Мартинотту, которая зашлась в рыданиях.

Жан хотел пойти с бедными женщинами, чтобы разделить их горе и слёзы, но он должен был прежде всё рассказать губернатору, всё что видел и слышал, как он пытался спасти гонца, предупредив об измене, и проводить его в город. Гильом де Флави уже знал о кончине Бонварле.

Когда он встретился с отрядом Жанны, Ла Гира и Сентрайля, ему доложили о происшествии на крыльце портала Сен-Корнель, но полагая, что толпа сама разберётся с убийцей по заслугам, Флави предпочёл не вмешиваться.

Невеликий числом отряд из пехоты и всадников отдыхал после ночного марша: их кони стояли в общей конюшне возле моста, и не были обижены в овсах; а люди расположились в старом зале рядом с башней Борегарда старого замка Карла Лысого – они рады были встрече их в Компьене, пили весёлое вино с холмов Уазы, набивали желудки, и готовились к скорой битве. А губернатор с командирами прибывшего отряда, тем временем, отправился на стены – осмотреть позиции врага на правом берегу Уазы.

Город был укреплён хорошо, несмотря на повреждения прежних лет: за двенадцать лет Компьен претерпел немало – пять или шесть раз его занимали бургундцы, королевские войска и англичане, которые хозяйничали в нём с 1423 по 1429 год, но стены успели подремонтировать, и город имел круговую оборону из многочисленных башен, с четырьмя воротами, и две внутренние стены.

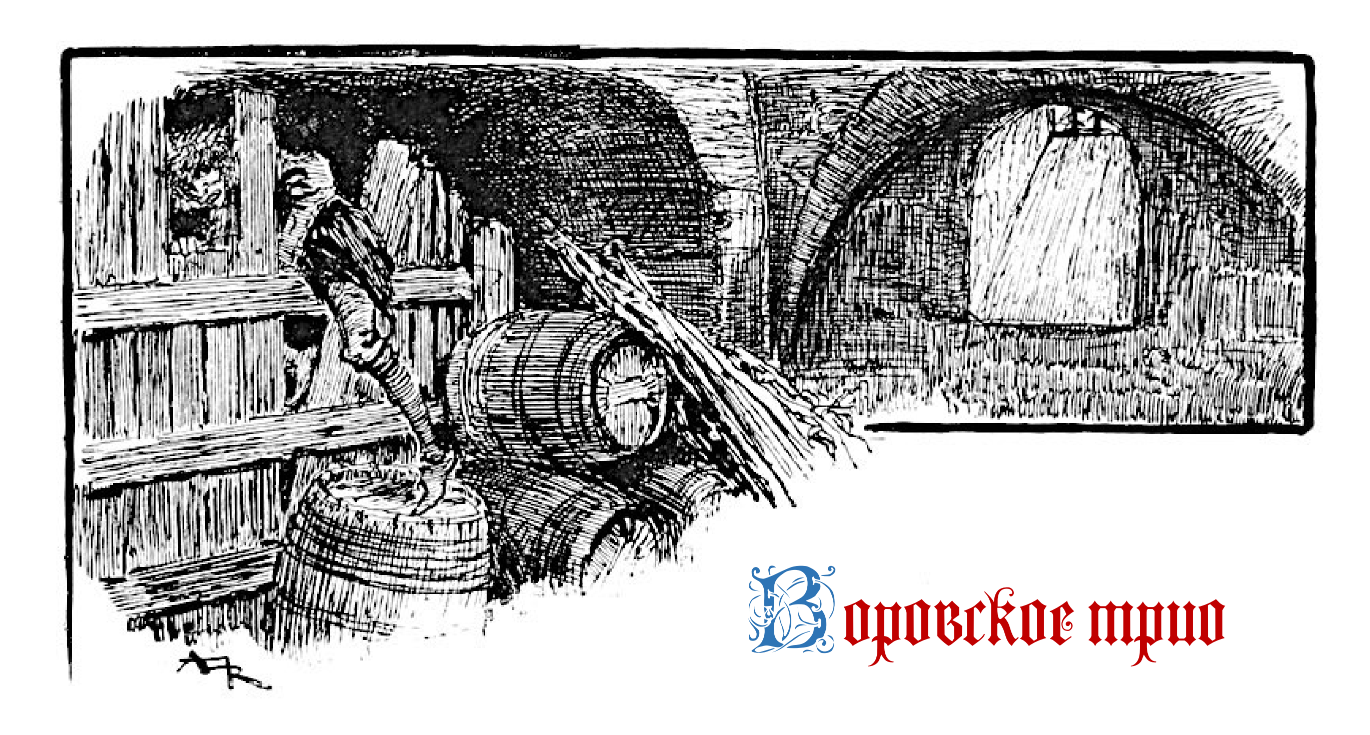
Всерьёз враг угрожал по-прежнему только с правого берега Уазы. Он располагался в двух полетах стрелы из арбалета у деревни Марньи, и справа и слева от Клеруа и Венет.

Мост для противника представлялся сам по себе крепким орешком, ибо был застроен домами и мельницами, поддерживался мощными башнями, включая башню Борегард, и ещё имелось крепкое внешнее защитное сооружение перед ним на правом берегу с воротами, и окружённое рвом.

Подготовка к вылазке скоро была завершена, солдаты расставлены по местам для атаки на англичан, лодки связаны прочными деревянными настилами для лучников, отвечающих за берега реки и от преследования противником в случае неудачи.

Собрав все силы против врага с другой стороны моста, командиры и солдаты с нетерпением ждали, когда Жанна поднимет королевское знамя, и поведёт их в бой.

Воровское трио

Страх заставил действовать Рунжмайла точно и стремительно – забаррикадировав дверь, он кинулся в свой подвал, где кладовая соседа была отделена от его хранилища невысокой перегородкой из досок. Он перелез её с неожиданным для себя проворством, пробрался в соседний дом, и беспрепятственно покинул его, оказавшись на другой улице, выходящей на Сенной рынок. Тут было пусто, так как весь народ собрался на другой улице, приветствуя Жанну и Ла Гира. Рунжмайл скользнул в узкий и тёмный проулок, шириной всего в несколько футов, на задах гостиниц и торговых лавок. Тут он призадумался. Куда идти? Куда бежать? Достигнув богадельни, он юркнул в щель, и затаился. Мимо него пронесли носилки с мёртвым телом, сопровождаемые двумя плачущими женщинами. Это несли домой убитого им Бонварле. Рунжмайл бросился назад по переулку, через несколько шагов оказавшись у моста. И тут кто-то вдруг схватил его за плечо. Ростовщик вскрикнул от неожиданности, попытался вырваться, но рука другого человека опустилась на его второе

плечо. Рунжмайл собрался было со всех сил рвануться и бежать прочь, но обернувшись назад, вздохнул с облегчением – он встретил приятелей.

– Вы! Лежебока! Гасконец! Как я рад вам... Вы стоите на страже моста? Как же вы меня напугали, – сказал ростовщик шёпотом. – Мне надо скрыться!

– Что стряслось?

– Меня ищут!

Приятели вздрогнули.

– Как? Тише. Кто?

– Я всё расскажу, но не здесь. Переведите меня через мост, и спрячьте где-нибудь.

Троица поспешила к мосту, тихо переговариваясь.

– Отличная была идея, – горько усмехнулся Жеффруа по кличке «Гасконец», – пойти лучником на службу к мессиру де Флави! Черт меня дёрнул вернуться к матери в Шампенуаз. Лучше бы я оставался с отцом в Бургундии.

– Не всё пропало, – бормотал Рунжмайл. – Возьмите меня под руки, как старого доброго друга, с которым вы рады поболтать.

– О! – простонал Лежебока. – Я уже чувствую верёвку на своей шее.

– Меня раскрыли, но об этом мало кто знает... вам ничего не грозит, успокойтесь, и вытащите меня из беды – это в ваших же интересах...

– В моих интересах не повиснуть рядом с тобой, поскольку ты нас представил губернатору, мессир Флави вспомнит об этом скоро, и тогда пиши пропало! – огрызнулся Гасконец.

— Это конец, — вздохнул Лежебока.

— Не будьте слепыми! — зашипел Рунжмайл. — Надо держаться задуманного, и открыть ворота вашему капитану в нужное время.

— Время драпануть этой же ночью...

— Может быть, но если нам удастся впустить англичан в город, мы получим награду, — сказал Гасконец, — и тогда, Лежебока, мы будем богаты.

— Осторожно! — прошептал Лежебока, оглядевшись вокруг. — Губернатор едет с отрядом! Побудь пока тут, Рунжмайл. Гасконец, улыбайся, чёрт тебя возьми! Лучше бы я был в лесу теперь со всеми. К чёрту золото! Какой идиот придумал, что мы сойдём за французов, сбежавших из английского плена, и послал нас в Компьен на нашу погибель! Слушай-ка, Гасконец! Давай пошлём к чертям капитана, возьмём под белы ручки этого богача Рунжмайла, отведём его в лесок, и потрясем, как грушу. Хватит с нас! Я хочу бросить это грязное ремесло вместе с мечом, да взять иголку с ниткой...

— Ой! Ла Гир, Жанна! Мы пропали...

Флави выехал на мост во главе отряда всадников. Рядом с ним ехала Жанна в полном доспехе под малиновым плащом, шитом длинными

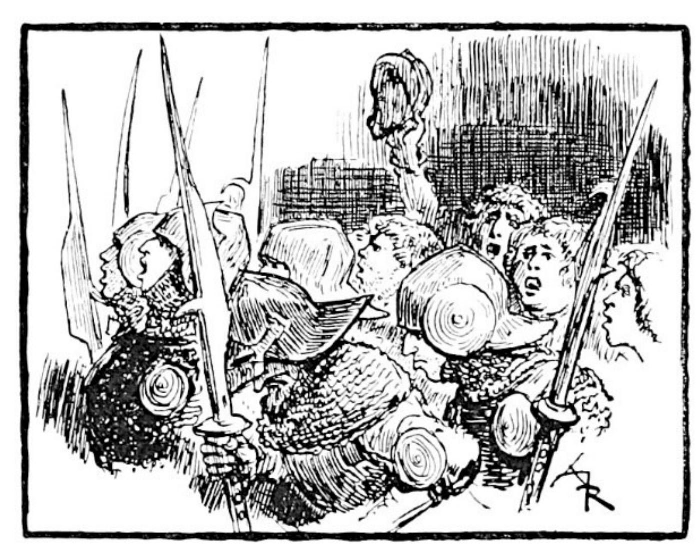
клиньями, Сентрайль, Ла Гир, Пьер д'Арк – брат Жанны, и ещё с полдюжины рыцарей.

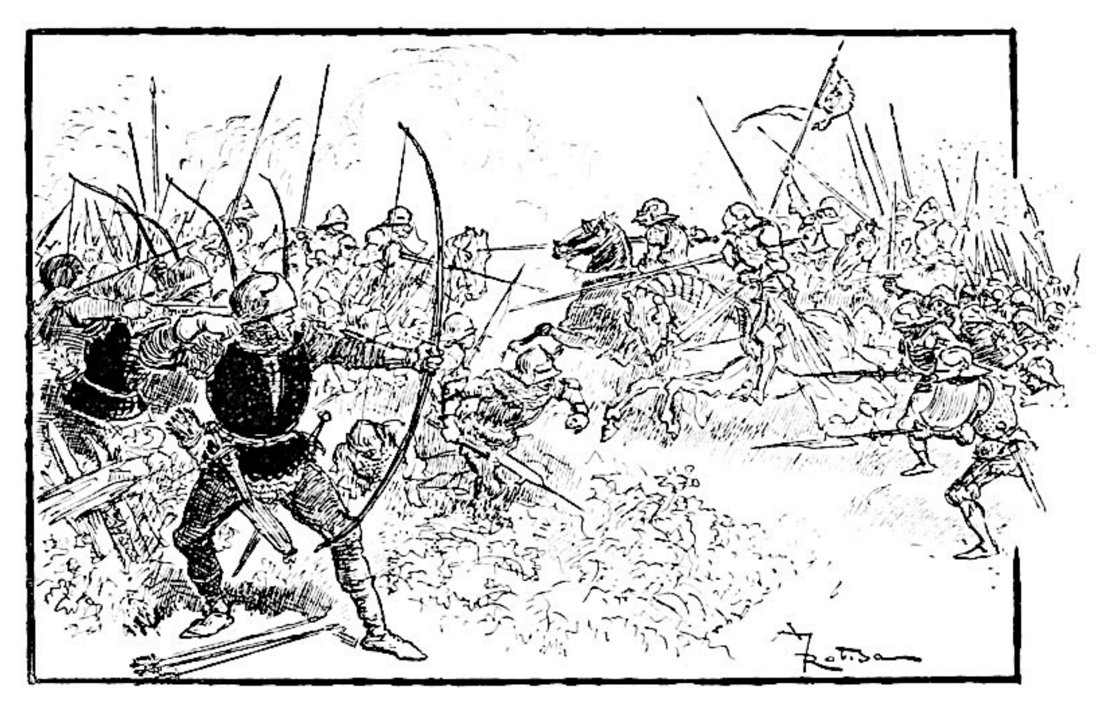
Стражу выстроили в шеренгу под сводами ворот, куда попали поневоле и двое лазутчиков. К ним сзади вплотную был прижат Жан Забияка, который так и не имел случая переговорить с де Флави, вынужденный отступить к стене под давлением стражей, и поддерживаемый новыми друзьями, которые его чуть не повесили ранее, он с нетерпением наблюдал за происходящим у моста.

– Ничего-ничего, – успокаивал его самым дружеским тоном тот, кто недавно подбил ему глаз, и чуть не сломал руку. – Ты ещё успеешь поговорить с губернатором!

– Да, конечно, – рассмеялся другой, – если уцелеешь! Ты уже знаком с виселицей, и расскажешь при встрече с предателем, как она, и пожелаешь ему счастливого пути. И тем, кого он привёл с собой в город. Скоро мы их всех отыщем, и заставим сплясать на веревке!

Лежебока не пропустил ни одного словечка из того разговора, он вздрогнул, и толкнул локтем своего приятеля, у которого хватило ума отмолчаться.

Катастрофа

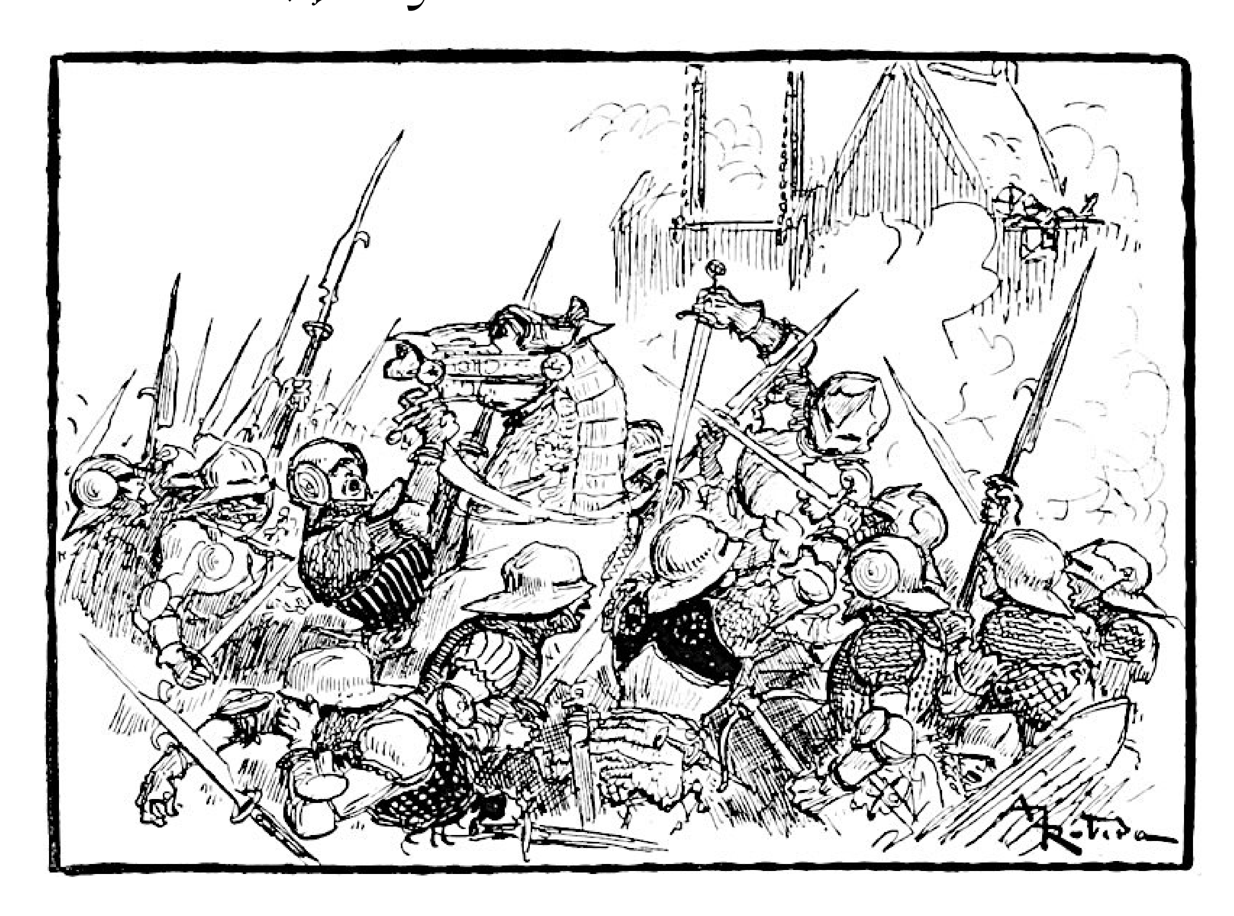
Битва началась.

Передохнув, отряд Жанны д'Арк, и полторы сотни солдат гарнизона города, атаковали англичан под стенами Компьена.

Бомбардиры выкатили орудия на линию переднего огня, водрузили их на возвышенностях перед мостом, и по опущенному мосту солдаты и горожане, с именами Жанны, Ла Гира и Сентрайля на устах, пошли в атаку. Вужами и гизармами пехотинцы прокладывали кровавый путь в самой гуще врагов, ведомые рыцарями. Жанна вновь была близка к победе, подняв знамя, овеянное славой Орлеана.

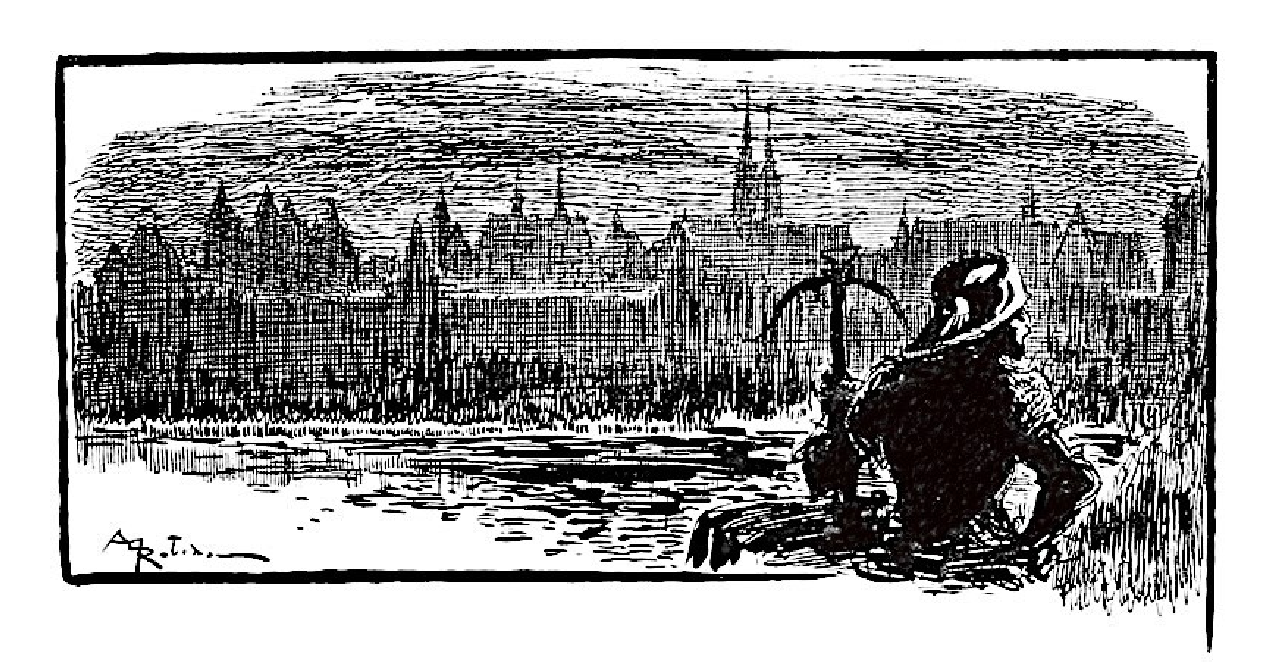
Но длилось это недолго. К англичанам непрерывным потоком шли и шли подкрепления из разных мест, они не отступали перед яростью французов, но шаг за шагом продвигались вперёд. За ними шли лучники и

арбалетчики, посылая тучи стрел и болтов во французов. Отступивший поначалу враг, перестроился, и устремился к мосту под тревожный набат всех колоколов в церквях Компьена.

По сигналу защитники города стали отступать в узком коридоре ограждений, за которыми они могли укрыться от наседавшего врага. Жанна прикрывала со своими телохранителями всеобщее отступление, когда среди солдат началось смятение из-за криков об измене. Флави командовал лучниками на башне, отсекая нападавших от моста, перед которым Жанна была сброшена с коня, и захвачена в плен.

Это была катастрофа.

А потом сошла тёмная ночь. На компьенском мосту стыла тишина. В тяжёлом синем небе, омрачённом грозовыми тучами, луна алела кровью. Чёрные силуэты стен осаждённого города выражали боль и печаль. Лица солдат в свете огней от факелов на стенах проплывали в трауре.

В этой зловещей тьме, в грустной и пустынной картине ночи, один из стражей наблюдал жуткое видение. Гулкая тишина над городом была испугана громовыми шагами бегущего под каменным сводом человека, он бежал к мосту, или, скорее, летел по воздуху, в испуге, тяжело дыша, вместо глаз светящиеся от ужаса белые пустые орбиты, рот перекошен в крике, из которого не издавалось ни звука, и он лишь размахивал сломанными руками, как пустыми рукавами.

Его преследовали над мостом бесшумные крылатые твари с драконьими головами и пастями с острыми длинными зубами, кривыми рогами, когтями, со злым оскалом хищных ртов, пучеглазые, чудовища, так похожие на тех, что высекают из камня, и водружают на крышах соборов в виде горгулий! Казалось, они все слетели с церквей Компьена,

A. Robida

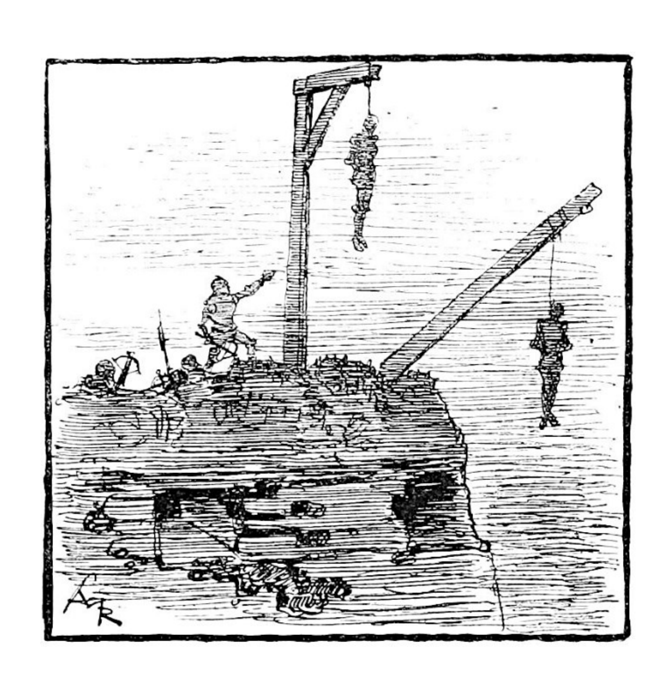
и неслись, колебля ночной воздух крылами, вонзая кто клюв, кто зубы, кто когти в бегущего человека. А за ними, над городом стоял с пылающим мечом в руке архангел...

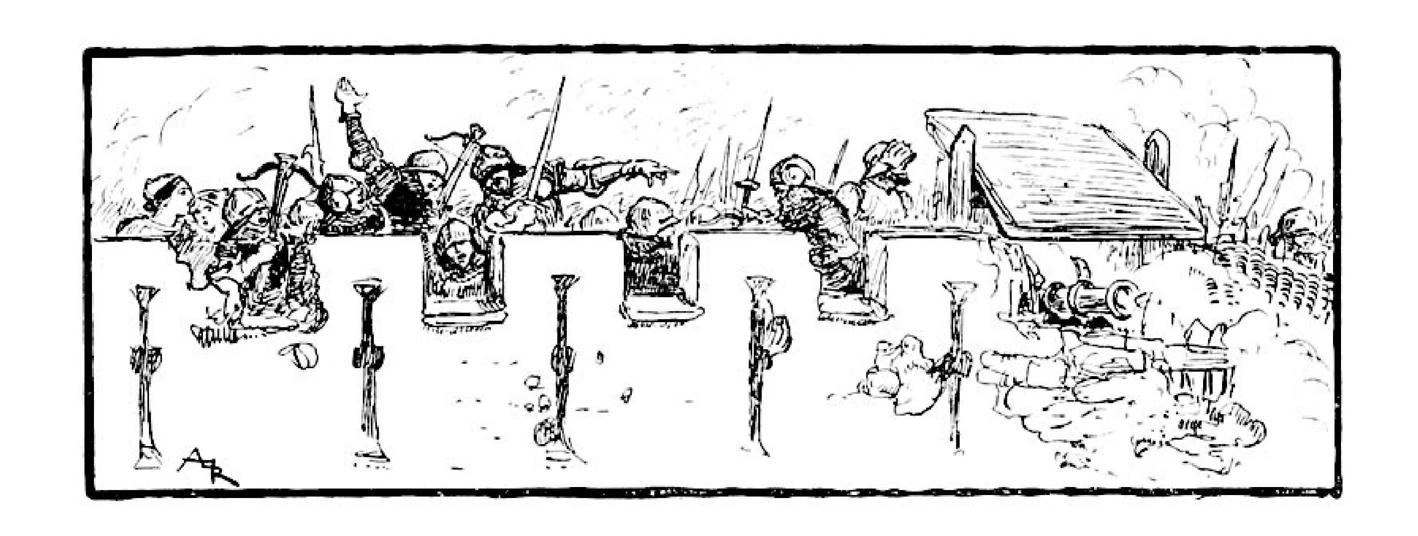
Так гласит легенда. Этим беглецом был предатель Рунжмайл, который в бою на мосту под стенами города, с помощью Лежебоки и Гасконца, поднял перед Жанной мост на краю рва, и предал её в руки врагов. Жадный ростовщик Рунжмайл, который под прикрытием ночи, пробрался в свой дом за золотом своих преступлений.

Преследуемый, гонимый, наказуемый когтями и зубами, Рунжмайл вопил без звука, кинув своё золото на мостовую, и бросился с моста в реку промеж двух мельниц. Вода в реке долго бурлила и клокотала, после его падения, перемалывая кости иуды; а потом потекла мирно и тихо, как прежде; луна вышла из облаков, исчезли крылатые каменные твари, и с ними архангел.

Утром на бастионе набережной перед мостом, горожане увидели две виселицы, на которых болтались два сообщника Рунжмайла — Лежебока и Гасконец.

Послесловие

Целых шесть месяцев Гильом де Флави самоотверженно защищал Компьен, вверенный его заботам, терпя победы и поражения после пленения Жанны, и он выстоял вплоть до того дня, когда подошла к нему помощь, и защитники Компьена с новыми силами осадили англичан в одном из укреплений за стенами, взяли его штурмом, и заставили противника бежать от стен осаждённого города.

Жан Забияка сражался вместе со всеми с величайшей отвагой своими могучими руками как на стенах, отражая приступы, так и в последнем бою, при освобождении города, где он дал волю своим чувствам, круша и избивая вражью силу. У него для этого были все основания за двоих, но помня, что бедняжка Джульетта осталась без кормильца, он был счастлив уцелеть среди всех опасных схваток.

Сняв доспехи, Жан вновь стал камнерезом, прибавив к своему молотку и зубилу жизненную мудрость, позволившую ему изваять Св. Корнелия, и закончить статуи святых портала, которые не успел доделать его учитель мэтр Жако Бонварле.

Оглавление

